Самый страшный зверь

Автор:
Артем Каменистый

Самый страшный зверь

Артем Каменистый

Давным-давно ядерная война навсегда изменила земную цивилизацию…

Сохранившие веру отцов обитатели страны Хеннигвиль надеялись, что им удастся укрыться на отдаленном острове от безжалостных магов Конклава, захвативших власть в империи. Но невидимые демоны и огромный Зверь-владыка ближнего леса оказались менее страшными, чем ведомый магом отряд убийц, ворвавшийся в мирное селение. Наемники Конклава, ослепленные жаждой наживы и поисками древних артефактов, не могли и предположить, чем закончится их противостояние с чудом уцелевшим юным охотником Диртом. Как и не подозревали они, что мальчишка является носителем чистой крови…

Артем Каменистый

Самый страшный зверь

© Каменистый А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для

частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

В хвойном лесу, покрывавшем южный склон Сторожевого холма от подножия до вершины, приличные кусты встречались нечасто, но здесь это правило грубо нарушалось. Густые заросли с ярко-зеленой листвой, как полагается в начале лета, тянулись узкой полосой, образовав почти непроницаемую для глаза стену. Годы назад одна из особенно злых осенних бурь свалила несколько отживших свой век сосен, оставив громадные стволы гнить и рассыпаться в труху. Образовалась вытянутая прогалина, щедро освещаемая солнцем, что позволило мелкой растительности подняться во весь рост. Но это ненадолго – хвойные великаны скоро возьмут свое, а все, на что они бросают тень, быстро чахнет.

Дирт притаился за трухлявым стволом давно упавшего дерева и не мигая смотрел вниз. Там, за кустами, просматривалось подозрительное движение, не гармонирующее с колебанием веток, раскачиваемых едва заметными порывами утреннего ветерка. Никто из людей не мог забраться так далеко от опушки, зверь – вот кто там бродит. Не белка, и не заяц, что-то гораздо крупнее. Но и не взрослый лось, уж он бы даже за такими зарослями не укрылся.

Кто?

Для всех жителей Хеннигвиля, за единственным исключением в лице Дирта, ответ был всего один. И подразумевал столь же единственно правильное действие: мчаться прочь, не останавливаясь, не разбирая дороги, скривив физиономию в гримасе крайнего ужаса и прилагая нешуточные усилия ради сохранности чистоты штанов. И бежать таким образом до тех пор, пока нестерпимая боль не скрутит обессиленные легкие и каждый глоток воздуха начнет причинять нестерпимые страдания.

Нет – исключение не одно. Он позабыл про лэрда Далсера. Хотя, если говорить откровенно, его трудно причислить к жителям Хеннигвиля.

Как, впрочем, и самого Дирта.

Преподобный Дэгфинн тоже не очень-то боится леса, хотя во всем селении знают об этом лишь трое, включая его самого. Но с ним все сложно, да и традиционный ответ хеннигвильцев его вполне устраивает.

Дирта традиционный ответ не устраивал. Он ведь знал, что в этом лесу обитает далеко не одно существо. Лоси, медведи, олени, волки, косули, кабаны, зайцы, лисы, барсуки, еноты и прочие: в их присутствии легко убедиться, бегло изучив следы на первой попавшейся тропе. А однажды ему встретились отпечатки копыт неведомого создания, судя по всему, крупного. Наверное – это был зубр, хотя уверенности в подобном выводе у Дирта не было, ему ведь так и не удалось взглянуть на редкого зверя даже издали.

Следов демонов, которыми так любили пугать друг друга суеверные жители Хеннигвиля, он не встречал ни разу. Ну… наверное. А ведь, кроме него, никто не отваживался забираться в лес так далеко. Да что там говорить: редкий смельчак находил в себе силы сделать больше десятка шагов от опушки, да и таких не хватало даже на жалкую полусотню.

Интересно: почему они так неистово верят в древних демонов, если у них даже возможности взглянуть на следы нет? Вот уж прав лэрд Далсер, когда называет человека самым парадоксальным существом. Ведь мудрость и глупость зачастую мирно уживаются в одной голове, занимаясь разными вопросами.

Хорошо, если за кустами скрывается олень. Под сотню имперских фунтов отборного мяса, да и требуха у него очень даже ничего, если приготовить как следует. Ее Дирт пускал в котел в первую очередь, после того как брезгливый лэрд Далсер, от души покрутив носом, неохотно давал добро. Уж очень он не любил паразитов. Без них дичи да и домашнего скота не бывает, но есть черви безобидные, хоть и омерзительные с виду, а есть такие, которым даже длительное кипячение немногим страшнее ласкового летнего дождичка. При одном намеке на их присутствие придирчивый ведун безжалостно браковал добычу, заставляя Дирта относить мясо туда, где взял.

Нашел дурака: в Хеннигвиле и тухлятине применение найдут, а уж червями здесь даже младенца не напугать. Как Дирта ни заставляй, а у преподобного Дэгфинна свое мнение: что в селение попало, то там и останется, и плевать, если кто-то против.

Оленя он разделает на месте, расстелет шкуру, набросает на нее крапивы, разложит поверх нее куски парного мяса, завернет как следует, подвесит за углы в теньке, после чего заберется на вершину Сторожевого холма и помчится вниз, к дому лэрда. Тот осмотрит печенку, почки и легкие, брезгливо скривится и, очень может быть, что признает дичь годной, не потребует ее выбросить. Или даже разрешит взять лакомую часть туши на свои нужды, а не относить почти все вечно голодным хеннигвильцам, ведь удачливый охотник заслужил небольшой приз. Тогда Дирту придется возвратиться, забрать добычу и спуститься вниз, к Смородиновому ручью. Там, на подмытом водой склоне, у него вырыта добротная коптильня.

При воспоминании о том, как нестерпимо вкусно пахнет на совесть прокопченная полоска оленины, желудок Дирта забурчал от нетерпения. Звук показался ненормально громким. Хотя что тут странного? Когда он в последний раз наедался досыта, тем более мясом? Такое ощущение, что никогда.

Нет, не олень: Дирт разглядел голову. Серенькая, с рыжим налетом, украшенная аккуратными ветвящимися рожками.

Косуля. Самец.

Тоже ничего, хотя с оленем, конечно, не сравнить. Мясо недурственное, но, увы, у косули его гораздо меньше. Зато и нести будет легче. Дирт за последний год порядком вымахал, но до взрослого мужика еще недотягивает. Да и телосложение у него хрупкое, до сих пор дразнят худышкой.

Пальцы на тетиве напряглись, и в этот момент ветерок затих. Дирт и раньше не шевелился, а тут и вовсе застыл словно камень.

Ну же! Ветер! Давай, задувай! Ты просто обязан отправиться на прогулку в сторону вершины, прямиком на Дирта. Утро ведь, в эту пору твое направление меняется редко.

Изменение может привести к непоправимому. Как бы Дирт ни мылся в неделю по два-три раза, до смеха удивляя грязнуль вроде Фроди, чуткие ноздри косули неминуемо уловят человеческий запах, и шустрое животное помчится по склону длинными прыжками, забавно вскидывая высокий круп. Глупо браться за лук, когда между целью и тобой густое переплетение зеленеющих веток. Стрела, зацепив хотя бы одну из них, непредсказуемо изменит направление, и придется попрощаться с рогатым мясом.

А потом неизвестно, сколько будешь стрелу разыскивать: в таких случаях они имеют нехорошую привычку теряться.

Дирт взмолился силам, насылающим ветер. Жители Хеннигвиля не одобрили бы попахивающую язычеством молитву, но ему давным-давно было глубоко безразлично их мнение почти по всем вопросам, а уж в том, что касается божественного, – в самую первую очередь.

Высшие силы решили сжалиться, видимо, хоровое бурчание желудков хеннигвильцев достигло небес, мешая спать их обитателям: листва на кустах затрепетала, лицо ощутило еле заметное движение воздуха. Косуля, объедая листву и молодые побеги, все заметнее приближалась к удобному просвету, где ничто не помешает полету стрелы. Жалкие тридцать с небольшим шагов, на такой дистанции Дирт и по только что вылупившемуся цыпленку не промахнется. Мало того, острием легко угодит в глаз, левый или правый – как выберет.

Над головой захлопали крылья. Похолодев, он опять взмолился всем высшим силам сразу, чтобы избавили его от этого, пощадили, не лезли в такой ответственный момент: реакцию пугливой косули на резкий тревожный шум поблизости предсказать было несложно.

Похоже, поздно взмолился: хлопанье крыльев стихло, и следом раздался оглушительный треск. Дирт стремительно оттянул тетиву, выстрелил в уже дернувшееся животное, после чего оставалось печальным взглядом проводить улепетывавшую косулю, так и не ставшую добычей.

Он поднял голову, нехорошим взглядом оценил продолжавшую стрекотать сороку. Прикончить шумную тварь? Отомстить за ее гнуснейшую подлость? Да ну ее, еще стрелу потеряет. Нечего мараться о глупую негодяйку. Сохраняй она

тишину, могла бы всласть поклевать склизкие кишки, оставшиеся после свежевания туши. Крикливые белобоки обожают разорять чужие гнезда, пожирая яйца и птенцов, но и падаль уважают немногим меньше воронья. Да и не только они, в лесу ее почти все уважают.

Стрела, перерубив пару веток, по самое оперение зарылась в изъеденный гнилью ствол давно упавшей сосны. Удачно получилось, недолго пришлось искать. Осторожно ее вытащив, Дирт проверил заточку наконечника и состояние древка, после чего спрятал в колчан. Покосился на солнце. Высоковато успело подняться. Очередное неудачное утро: он опять вернется без добычи. Ну что ж, может быть, повезет завтра, или в Хеннигвиле что-нибудь изменится в лучшую сторону.

Вершина была уже рядом, когда Дирт заметил гриб. Настоящий белый гриб, с прошлого года их не видел: с непомерно раздутой понизу ножкой и чистенькой тугой шляпкой. Хорошая примета – это ведь первый, и появился он не просто так, а с целью разведать обстановку. Если вылез один, значит, и другие следом попрут, они не испугаются исчезновения разведчика. Этот склон получает много тепла, вот и опередил своих собратьев. Будет, чем сдобрить похлебку – это куда лучше того, что в нее приходится бросать последнее время.

На вершине Дирт остановился. Лес здесь расступался, будто опасаясь приближаться к древнему капищу: восемь каменных столбов, расположенных по кругу, узкие плиты, уложенные на них поверху, и черный, в пятнах серого лишайника, алтарь посредине. Если приглядеться, там и сям можно заметить следы давних раскопок. Это Дирт, будучи совсем еще глупым пацаном, рыл ямы в надежде поживиться древним золотишком.

И что бы он потом делал с найденным золотом? Вот ведь дуралей…

Но сейчас Дирт вырос и значительно поумнел, поэтому даже не покосился в сторону своих мальчишеских экспериментов. Он неотрывно смотрел вдаль, на ту линию, где небо сливалось с насыщенной синевой моря. Там можно было разглядеть россыпь едва заметных бугорков. Крошечный архипелаг: шесть каменистых островков, он был там однажды с рыбаками. Им тогда пришлось поспешно вытаскивать лодки на покрытый галькой пляж, спасаясь от приближающейся грозы с неминуемой бурей. Ничего интересного Дирт там не нашел, зато с пригорка смог взглянуть еще дальше, и там уже не увидел никаких признаков суши: только воду.

Возле ближнего острова что-то двигается? Да нет… вряд ли… Померещилось, должно быть. Или из волн морских исполинский кит показал мокрую спину. Хотя откуда здесь исполинские киты? Даже мелкие не очень-то любят выходить на мелководье залива. За все время здоровенную тушу Дирт видел лишь однажды, позапрошлой осенью. Ее в шторм вынесло к берегу, ох и вони он тогда нанюхался. Преподобный, не обращая внимания на тошнотворный запашок, собрал всех жителей и, показывая на невразумительные прорехи в гнилой плоти, долго пояснял, что море кишмя кишит чудовищами, для которых даже такой исполин – не более чем легкая закуска.

Впрочем, если верить Дэгфинну, весь мир переполнен чудовищами, одно другого страшнее.

Дирт перевел взор ниже. Сторожевой холм спускался к морю тушей матерого медведя, заявившегося на водопой, образуя в итоге широкий мыс, прикрывавший бухту, на берегу которой и располагался Хеннигвиль. Две с лишним дюжины домишек да втрое больше сараев и хлевов со стенами из небрежно отесанного камня и крышами, поверх глиняных скатов накрытых зеленеющим дерном. Никаких заборов, изгородей, запоров на дверях: свои не воруют, а пришлых в селении нет.

Ну не считая парочки исключений, которым можно доверять, почти как своим.

Несмотря на большое расстояние, Дирт разглядел в широком устье Смородинового ручья россыпь белых точек. Непроизвольно улыбнулся. Он знал, чья очередь сегодня пасти гусей. Погасил в себе естественный порыв направиться туда в первую очередь. Нет – уважающему себя мужчине нельзя покорным барашком идти на поводу сиюминутных желаний. Вчера была сильная волна, кто знает, может быть, море решило подарить что-нибудь: затянувшееся безрыбье напрашивалось на хоть какую-нибудь компенсацию.

Настроение у моря меняется чаще, чем у капризной девицы: утром подарит, в полдень отнимет да еще и слезами обольет. Остается повесить лук и колчан под камнем, что покоился на двух столбах, и можно спускаться. Показываться в селении с оружием не стоит.

Море сегодня не поскупилось, выбросив множество водорослей и склизких медуз, еще не успевших растаять в солнечных лучах. Но ничего более ценного

Дирту не встречалось. Его это не слишком огорчило, ведь давно уже понял, что живет на берегу самого скупого скряги в мире.

Впереди показался конкурент: на урезе воды сидел мальчишка и разгребал палкой груду водорослей. Подойдя поближе, Дирт узнал Ивара, первенца младшего Вегарда. Странно, что сразу, еще издали, не понял, кто здесь ошивается. Этого непоседу хлебом не корми, дай возле воды полазить. Первым бежит встречать лодки, сразу видно – настоящий рыбак растет.

Возле увлекшегося мальчишки крутилась шелудивая собачонка. Мелкий кобелек, один из многочисленных щенков любвеобильной Тучки. Что она ни на что не годная, что ее глупое потомство. Вот и этот даже для приличия не гавкнул, Дирт подошел незамеченным.

– Привет, Ивар. Что нашел?

– Ой! Дирт! Не подходи так тихо!

– Испугался?

– Нет. – Мальчишка что было силы затряс головой, пытаясь убедить главным образом себя. – А ты откуда взялся?

– В лесу был.

– Зверя видел?!

– Нет. Косулю видел.

– Застрелил?

– Не получилось. Что ты там роешься в этой куче?

– Краба нашел. – Инвар показал панцирь, лишившийся всех ножек. Каким-то чудом сохранилась лишь одна клешня, да и та наполовину.

– Он же дохлый.

– Ага. Пустой совсем и даже не воняет. А вчера Гермунд из ловушки вытащил большущего и живого. А тот в лодке укусил Рауда за палец ноги. До крови. Я сам видел, как он хромал и ругался. Даже Фроди так не ругается, хоть больше всех плохих слов знает, а ведь Рауд всегда такой молчун. Очень смешно было.

Сенсационную новость с укушенным за палец Раудом еще вчера весело обсудили всем Хеннигвилем, но она продолжала оставаться достаточно свежей: вон как глаза у мальчишки засверкали.

– Весной я после шторма нашел доску с гвоздями. Помнишь?

– Помню.

– Хочу еще такую найти, нам железо пригодится.

– Тебе разрешили уходить так далеко?

– Да. Отец сам сказал пройтись по берегу. Вчера волны были высокие, может, вынесло ствол дерева, на дрова пойдет.

Дирт оценил расстояние до окраины селения и показал на лес, который возвышался над не таким уж крутым береговым обрывом:

– Там полно деревьев, пусть берет любое.

– Сухих поблизости нет.

– Живое срубить недолго.

– Такое горит плохо. – Плохо, потому что живое и мокрое.

– Сосна-то мокрая? Насмешил.

– Мокрее, чем сухое.

– Оно по лету быстро высохнет. Уж не медленнее того, что море выбрасывает.

– Преподобный Дэгфинн говорит, что живые деревья в лесу трогать нельзя ни в коем случае. Зверь очень злится, когда видит такое.

При упоминании Дэгфинна Дирт поморщился. Спорить с непререкаемым авторитетом преподобного было очень сложно. Пожалуй, даже невозможно. Почти все хеннигвильцы ловили каждое его слово, будто кусок хлеба в голодный год, и свято верили в любую чушь, вырывавшуюся изо рта человека, служащего проводником между божеством и верующими.

– Ивар, а как, по-твоему, из каких деревьев строили Хиннигвиль?

– Из сухих, конечно.

– И где же столько сухих и при этом не гнилых нашли?

– Не знаю. Наверное, таких раньше было много, но все срубили. Разве сам не видел, сколько пней у опушки?

Вот и попробуй поспорить: даже у детей любое мнение совпадает с мнением преподобного.

Ивар тем временем резко сменил тему:

– Слышал, что Мади сказал?

– Ты о каком Мади спрашиваешь: у нас их три.

– Младший ничего не скажет, потому что у него даже зубы еще не прорезались, куда ему говорить? Он в ответ разве что испачкается. Я о сынке Гуди.

– Если к языку Мади привязать лопату, получится незаменимый работник: ни мгновения отдыха себе не позволит. Откуда мне знать, о каких словах ты сейчас говоришь, если он никогда не умолкает.

– Он утром заявил Керите, что поколотит тебя как следует. Это мне Бруни рассказал. Бруни, хоть и дурачок, но не врет никогда. Мама говорит, чтобы уметь врать, нужен ум, а откуда он у него возьмется?

– И зачем ты мне это выкладываешь? Ведь твой отец – родной брат Гуди, и Мади, получается, тоже твой брат, только двоюродный.

– Да, правильно, двоюродный. Но он мне не нравится. Кроме подзатыльников, я от него никогда ничего не видел. И разговаривает со мною так, будто я только что из колыбели выбрался. А ты вот нормальный, правильно все делаешь. Как с равным разговариваешь. Ну, почти. Мади выше тебя на полголовы, он точно поколотит, раз пообещал. Керита нравится ему, может, свадьба у них будет.

– Селедка тухлая ему будет, а не Керита, – резко помрачнел Дирт.

Ивар рассмеялся искренним смехом ребенка, которому все равно, чему радоваться: шутке удачной или просто выставленному перед носом пальцу.

– Ой, Дирт! Ну ты и сказанул! Можно я Мади это передам?

– Я сам ему передам.

– Ну тогда он точно тебя поколотит.

– Значит, сразу два дела сделаю.

* * *

Лодка уже вернулась и подсыхала, наполовину вытащенная на галечный берег. Дирт не спрашивал у Ивара насчет сегодняшнего улова, да и нет смысла спрашивать: по отсутствию малейшей суеты возле рыбного сарая все понятно. Вспомнив, что сам ничего сегодня не добыл, помрачнел еще больше и целеустремленно направился к загону для скота. Мади, наверное, там, навоз разгребает, вчера ведь вряд ли успел закончить с той кучей. Очень удачно, именно в ней Дирт его и закопает: лучше места для мерзавца не придумать.

Ишь! Свадьбу он с Керитой захотел. С боровом грязным ему свадьба будет, прелестная получится пара: один другого краше, и оба мастера хрюкать.

Увы, толстяка на месте не оказалось. Но это не означало, что его здесь совсем нет. По другую сторону загона, на выщипанной скотом лужайке, толпилось чуть ли не все население Хеннигвиля. Оттуда доносился зычный, проникновенный голос преподобного Дэгфинна:

– Сети давно пусты, нет крабов и раков морских в наших ловушках. Весна выдалась поздняя, на полях наших и огородах лишь всходы, да и тех немного. Почему так? За что такое наказание? Вы спрашиваете это у небес каждый день. Но разве сами не знаете ответа? Проклят был тот день, когда корабли наши нашли гибель на острых камнях в заливе. Смерть забрала многих из нас, а те, что остались, получили эту землю, окруженную чащей, в которой кишат богопротивные демоны и страшные твари, пережившие древность. Все знают, что мы в этих проклятых местах лишь гости, именно там обитают их настоящие хозяева.

Из-за толпы Дирт не мог разглядеть преподобного, но не сомневался, что в этот момент он указывает на лес, покрывавший Сторожевой холм.

– Они – источник всех бед наших. Грехами кормятся и грязную скверну источают. Даже рыба брезгует подходить к берегу нашему. Что делать? Наш бог слишком слаб здесь и не всегда может помочь верной пастве. Молитвами не спасаемся, ведь лето настало, а мы все еще голодаем. Когда такое было? Зверь, который владеет лесом, сильно ослабел. Он так же голоден, как все мы. Что можно ему предложить? Как вернуть силу защитнику? Нет ни горсти зерна, ни ссохшейся луковицы. Нам нечем поддержать его силы, и потому демоны осмелели, начали вторгаться в его владения. Что же делать? Как быть? Мне противно это говорить, но нам остается лишь один выход: откупиться от демонов.

Дирт, уже было развернувшийся, замер и начал прислушиваться с повышенным интересом. Столь сумасшедшего бреда он от Дэгфинна еще не слышал. Откупаться от демонов? С какой стати? Он ведь ничего, кроме стандартных церковных проклятий в их адрес, ни разу не произносил. Странно как-то.
И вдвойне странно, что никаких демонов в лесу и в помине нет. От кого он тогда собрался откупаться? И каким образом?

Преподобный, приподнявшись на цыпочках, уставился в сторону Дирта и крикнул:

– Эй! Ты! Мальчишка! Говори! Ты принес добычу из проклятого леса?!

Дирт поднял пустые руки, неохотно крикнул в ответ:

– Дичи мало, и она пуганая. Ничего не принес.

– Видите! Даже у этого пустоголового безбожника ничего не получается. Демоны взялись за нас всерьез, даже дичь распугали. Мы заплатим им, чтобы выжили наши дети. На этот раз заплатим, как это ни больно. Пусть только отстанут. Оставят нас в покое хоть ненадолго. А там вернется рыба, соберем щедрый урожай и не будем голодать.

– И чего же мы им дадим? – ворчливо спросил Фроди, до последней крайности раздраженный вынужденной трезвостью последних месяцев.

– А что нужно демонам? Разве сами не знаете? Грешные души и свежая кровь. Души, даже грешные, – собственность Господа нашего. Им остается лишь кровь. Мы оставим возле леса корову. Старую корову. Жалко ее, но у нас нет другого выхода.

– Они же ее порвут или заберут! – охнула Сигруна.

Учитывая ее хроническую тупость, Дирт стал свидетелем случая прямо-таки гениального предвидения ближайшего будущего.

– Нет, – возразил преподобный. – Демоны не едят мясо. Они насытятся ее кровью и перестанут насылать на нас беды.

– А когда опять проголодаются, то что будет? – не унималась разволновавшаяся старуха.

– Тогда тебя оставим возле леса, ты ведь тоже старая, – нагло вклинился все тот же Фроди и сам расхохотался над своей шуткой.

Смеялся он один, остальные были серьезными, будто на похоронах.

Гермунд, главный рыбак, мрачно поинтересовался:

– Не мое, конечно, дело о коровах судачить, но ведь разговор идет о Русалочке? Так она не такая уж старая, молоко дает еще.

– Мало молока, – своим неповторимо скрипучим голосом заявила толстая Хельга. – Уж я-то лучше тебя, вонючего селедочника, знаю.

– Все равно ведь дает, пусть и мало. Значит, и к быку ее сводить можно.

– В последний раз у нее мертвый теленок родился. Пустая утроба, молока мало дает, плохая корова. – Старуха покачала головой.

Гермунд поднял руки:

– Ладно – это твоя корова, ты лучше знаешь, прекрати в ухо орать. Хоть возле леса привязывайте, хоть топите с камнем на шее, не мое это дело.

– Я не хочу привязывать ее возле леса. Но мне опротивело каждый день кормить детей крапивой. Где твоя рыба, Гермунд? Где?! Как можно голодать, живя на берегу щедрого моря?! Как?!

– Щедрого?! Совсем сдурела на старости лет?! Ты разве не знаешь, что рыбы давно уже нет? Одна мелочь, да и той так мало, что худую кошку не накормить. К тому же никакая она не моя. Я тебе что, рыбий пастух? Хозяин селедки? Император трески?

– Значит, надо сделать так, как предлагает преподобный Дэгфинн. Демоны выпьют кровь и оставят нас в покое. Мы накормим детей и засолим рыбу впрок, а там и урожай подоспеет, не так долго ждать осталось.

– Неслыханное дело, богопротивных демонов кормить! – Упрямый рыбак никак не мог угомониться. – Разве нельзя корову отдать Зверю? К нему вернется сила, и он изгонит демонов из леса. Все знают, что когда он в силе, то никого не пускает в свой лес. Пускай уж лучше он Русалочку сожрет, чем эти твари.

Толпа дружно и как-то невесело рассмеялась, а Фроди пропитым голосом выкрикнул:

– Ты бы Зверю еще селедки своей вонючей предложил! Вот же умора! Зверю твои подачки не нужны! Зверь сам возьмет, если ему надо будет!

– Сам его покорми, селедочник, – добавила толстуха, чем вызвала новый взрыв странно-мрачного веселья.

Дэгфинн, перекрикивая смех, заявил:

– Русалочку привяжем возле дальней опушки, там ее найдут быстро.

Не услышав возражений, преподобный прошел через толпу, направляясь прямиком к Дирту. Приблизившись, с загадочным выражением лица заявил:

– Все слышал?

– Почти.

– Мы уподобились язычникам, – с неожиданной горечью произнес преподобный. – Оставляем жертву демонам, чтобы накормить наших детей.

Дирт покачал головой:

– Корова быстрее сдохнет от старости, чем за ней демоны придут.

– Они придут. Они всегда приходят. Они заберут свое. Возьмут только кровь, оставят мясо. Это противно и богомерзко, но потом я позволю людям взять мясо. Им нужна еда, их дети начинают болеть.

– Будете доедать за демонами?!

– Нас мало, мы в окружении страшных тварей. Иногда надо мириться с неизбежным. Демоны заберут кровь, а мы возьмем мясо. Ты все понял, чужак?

– Это не мое дело.

– Твое. Вы живете с нами, не забывай это.

– Мы больше даем, чем берем у вас.

– Вам не надо кормить детей, а нам надо.

– Преподобный, я вообще не пойму, о чем мы спорим.

– Запомни, демоны выпьют кровь, и завтра у нас будет мясо. Ты все понял?

Сказав это, Дэгфинн скрылся за углом хлева. Дирт, проводив его задумчивым взглядом, обернулся, разглядел в толпе Мади, понял, что при таком столпотворении не стоит затевать конфликт, и отправился вслед за преподобным.

Ему еще надо сварить похлебку. И хорошо бы дров наколоть, запас почти вышел. Или лучше из лесу вязанку-другую хвороста принести?

Нет, лучше наколоть. На опушке скоро не то что веток – даже хвои сухой не останется, все подчистую для очагов выгребают. За сушняком придется идти дальше, причем делать это на глазах хеннигвильцев. А им очень не нравится, что какой-то мальчишка нагло игнорирует главный закон и не испытывает при этом даже намека на страх. Опять будут плеваться вслед, а то и комом грязи кинут. Делать обход по берегу, чтобы никто не увидел, слишком долго, а бродить с грузом Дирту не нравилось.

Решено: заглянет к кузнецу. Колун в селении всего один, и хранится он у него.

* * *

На подходе к кузне нос Дирта уловил необычайно насыщенный хвойный аромат. Такое впечатление, будто ноздри свежей живицей обмазали.

Разгадка обнаружилась быстро: на очаге перед входом в кузню Агнар в крошечном котелке кипятил какую-то густую массу, непрерывно ее перемешивая. Именно она являлась источником сногсшибательного хвойного аромата.

– Ну и запах. Это что такое?

Агнар, проигнорировав праздный вопрос, задал свой:

– Ты руду принес?

– Какую руду?

– Не притворяйся трухлявым пнем, ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Но ты не просил ничего приносить.

– А сам разве не можешь сообразить? Когда я видел руду в последний раз? Как только снег на вершинах сошел. Оглянись: на дворе уже лето.

– Мальчишки нашли обломок лодки недавно, гвозди ты забрал.

– Там тех гвоздей на пару дрянных ножей. Руда нужна.

– Ну, раз нужна, принесу. Только я сейчас занят очень, каждое утро на охоту хожу, а до болота дальний путь, целый день уйдет.

– Руда нужнее дичи.

– Дэгфинн думает иначе. Сам спрашивал про дичь сегодня.

– Ты был на собрании?

– Проходил мимо в самом конце.

– Чего это тебя за хлев понесло?

– Мади искал.

– И зачем он тебе понадобился? Вы ведь вроде не друзья.

– Да вот… хотел поколотить его как следует.

– А… Ну это дело нужное. Что там еще Дэгфинн говорил?

– Говорил, что у дальней опушки на ночь привяжут Русалочку.

– Это еще зачем?! Хочет, чтобы ее лось полюбил?!

– Он думает, что демоны в темноте придут и выпьют ее кровь. И еще сказал, что они не едят мясо, оно останется и можно будет его забрать.

– А почему Русалочку? У нас хряк уже староват, молодой может его подменить. Лучше его пусть привяжут, корову как-то жалко.

– Не знаю. Может, Дэгфинн думает, что хряк вонючий и демоны им побрезгуют.

– Преподобный уже сам не знает что думать. Мне начинает надоедать все это. Слышал, что с младшим тезкой Мади делается?

– Вроде пухнет он.

– Вот-вот. От голода все. Дети первыми мрут, уж я-то знаю. Так ты принесешь руду?

– Поговори с Дэгфинном. Если он скажет, что я могу день-другой не охотиться, то схожу. Не хочу с ним ссориться, он злопамятный.

– Что тебе Дэгфинн и ссоры с ним? Поругается, и все. Я говорю: принеси руду.

– А он потом будет обзывать меня нахлебником, а за ним все старухи начнут в спину плеваться.

– Много не наплюют.

– Мне не нравится, когда они так делают.

– Как трудно с тобой толковать. Ладно, увижу преподобного, договорюсь, твоя взяла.

– Колун можно взять?

– Бери. Только вернуть не забудь.

Глава 2

На полпути к дверям дома Дирта перехватил пес со сложной родословной: примесь волчьей крови была столь серьезной, что он даже лаять не умел. Зато умел вилять хвостом и делать невыносимо жалобные глаза, чем сейчас и занимался.

– Для тебя ничего нет, – категорично заявил ему Дирт. – Иди, мышей полови в поле: и людям польза, и брюху радость.

Пес вздохнул, будто человек, полностью разочаровавшийся в жизни, и печально опустил голову, а Дирт, продолжая продвигаться к двери, решил его немного утешить:

– Если завтра что-нибудь добуду, все кишки тебе принесу. Требухи не дам, сам должен понимать, время голодное. Да и насчет всех кишок загнул, но что-нибудь точно тебе перепадет – обещаю.

Руки Дирта были заняты мисками. Класть их на землю он считал слишком простым вариантом решения проблемы и потому с дверью управлялся усилиями ног. То, что створка отворялась наружу, его ничуть не смущало, главное, правильно поддеть носком угол и не делать резких движений, иначе неминуемо обольешь руки горячей похлебкой.

Далсер был единственным человеком во всем мире, к которому Дирт обращался на «вы» без душевного скрежета. И ему даже в голову никогда не приходило, что в этом есть что-то неправильное. Лэрд и «ты» гармонировали друг с другом так же, как донельзя злющая кошка с разъяренной собакой.

Справившись с дверью, Дирт, заходя, ухитрился подцепить створку ногой, и она захлопнулась почти до конца, оставив узкую щель. Комната в доме была всего одна, зато приличных размеров. Центральную часть занимал огромный стол, сколоченный из толстых корабельных досок, по одну его сторону тянулась широкая лавка, по другую стояло грубое кресло, сплетенное из ивовых прутьев. На нем восседал Далсер и при мертвенном свете волшебной палочки, подвешенной под потолком, чертил на широком куске выровненной бересты что-то невообразимо сложное.

Обычное занятие.

Дирт в который раз отметил, что лэрд очень сильно отличается от хеннигвильцев. И дело даже не в том, что брюнетов среди них были единицы. Слишком высокий и худой, но вид не болезненный, а скорее цветущий, несмотря на возраст, явно не маленький. И лицо тощее, строгое, лоб высоченный, нос будто клюв старого ворона. То ли дело жители селения – морды широкие, щеки розовые, почти все мужики плечистые, даже нестарые считают своим главным долгом отрастить пузо. Голод последних месяцев, конечно, взял с них дань, но весь жирок не отобрал. Нельзя сказать, что все такие, но никого, хоть немного похожего на Далсера, среди них не было.

Дирт деликатно кашлянул, привлекая внимание, но лэрд и ухом не повел. Впрочем, это его стандартная реакция, за годы, проведенные вместе, у них выработался целый набор неизменных ритуалов.

– Лэрд, я принес похлебку. Повезло: Фрита, что рядом живет, щелок варила как раз.

– Я знаю, где живет Фрита, – произнес Далсер, не отрываясь от своего занятия. – И, Дирт, когда говоришь о человеке, употребляй слово «кто», а не «что», не уподобляйся невежественным простолюдинам.

– Я помню, но в этом случае тогда уж «которая», а не «что».

– Именно это я имел в виду.

– Огонь не пришлось разводить, я в ее очаге приготовил.

– Фрита всегда была добра к нам. Не будь ее, ты бы умер ребенком, от той болезни.

– Я ее отблагодарил. Дал ей половинку гриба.

– Жалкую половину гриба?

– Гриб ведь немаленький. Белый. Первый белый гриб в этом году. Ни у кого нет, а я нашел. Вы бы поели, пока горячая.

– Оставь на столе.

– Вот опять холодной хлебать будете. – Дирт, усевшись на узкую лавку, запустил ложку в миску, подул, отправил содержимое в рот, пожаловался: – Одна крапива да морская соль. Сети опять пустые, видел косулю, но взять не смог.

– Возьмешь в другой раз – это твой долг.

– Кому это я должен?!

– Каждый аристократ, пусть даже самого захудалого рода, – это прежде всего убийца. Убивать – наша главная задача. Здесь нет войн, нет врагов, мы живем мирной жизнью, но это не повод забывать то, кем ты являешься. Чтобы помнить, кто ты есть, убивай хотя бы дичь при любой возможности – это не только добыча пропитания и развлечение, но и способ не превратиться в чахлое растение, пугающееся одного вида крови. Там, на имперских землях, простолюдинам нет хода в охотничьи угодья. За нарушение границы их ждет плеть, а за браконьерство смерть или отрубленные руки, если барон милостив. Крестьяне не имеют права убивать, ведь разница между диким зверем и человеком, в сущности, невелика, и в глупые головы может прийти мысль, что не только аристократы имеют право поднимать руку на подобных себе. Тот, кто считает, что смуты надо подавлять в зародыше, – глупец. Надо делать так, чтобы смуты вообще не зарождались, для чего следует неотрывно присматривать за

простолюдинами, не позволяя им пачкать то, что по праву принадлежит элите.

– А домашний скот? Его тоже аристократы режут?

– Дирт, не ехидничай. Разница между благородным оленем и грязной свиньей больше, чем между жабой и орлом. Зарезать в стойле и загнать, выследить, взять в честном бою – совершенно разные вещи. Вонючий скот пусть режут простолюдины, но строптивая дичь – это наша, и только наша добыча. Так было всегда, на подобных вещах, с виду не таких уж и серьезных, держатся сословные различия. Везде должны быть границы, путь через которые открыт только тем, кто достоин. Тронь одно, и рассыплется все, отсюда и проистекает незыблемость традиций.

– Кстати, насчет жаб: может, стоит поохотиться на них? Оленей я давно уже не видел, и вообще дичи мало, уже который день ничего серьезного добыть не могу.

– Все меняется, изменится и это, – рассеянно произнес лэрд, мгновенно потерявший интерес к разговору и начавший подтачивать крошечным ножичком пишущий уголек.

Но Дирту хотелось поболтать:

– Дэгфинн сегодня смешно чудил. Голод даже его достал до печенки. Сказал, что надо привязать Русалочку на дальней опушке.

– Какую такую Русалочку?! О чем он вообще?! – Далсер вскинул бровь, что демонстрировало высокую степень удивления.

Рассеянность лэрда во всем, что касалось повседневной жизни селения, Дирта уже давно не удивляла. Такой уж он человек. И потому ответил подробно:

– Русалочкой корову зовут. Старую. Ее не так жалко. Дэгфинн сказал, что все наши беды оттого, что демоны за нас всерьез взялись. А Зверь не может больше защищать лес, потому что ослабел, мы ведь его давно не кормим. А если демоны выпьют из коровы всю кровь, то отстанут на некоторое время.

– Мне кажется, что логика преподобного не лишена некоторых изъянов…

– Ага. Я тоже думаю, что он полный дурак.

– Ошибаешься. Он умен, и даже очень. Ум его, конечно, своеобразен и не походит на наш, но глупо говорить, что слаб. Вот только условия жизни не позволяют ему этот ум использовать в полной мере.

– После собрания он мне раз десять сказал, что демоны выпьют кровь, а мясо останется, и его можно будет съесть.

– Именно тебе это сказал?

– Да. Специально подошел. Странный, ведь знает, что я в демонов ни капли не верю.

– Дирт, ты вроде бы неглуп, но не устаешь меня удивлять. Где твой ум? Он, похоже, спрятан еще тщательнее, чем у преподобного Дэгфинна…

– Что я сейчас не так сказал?!

– Абсолютно все. Попробуй подумать сам. Мы имеем преподобного Дэгфинна, духовного и светского лидера Хеннигвиля. Он не знает, что предпринять, как справиться с голодом. Готов на все, лишь бы день-другой кормить своих людей. Имеем тебя, не верующего в демонов. Да и как воспитанный человек поверит в чушь, которую никогда не видел? И преподобный почему-то именно тебе, отдельно от толпы, втолковывает про выпитую кровь и оставшееся мясо, к тому же делает это весьма настойчиво. Ты все еще считаешь его глупым?

Дирт насупился, покачал головой:

– Нет. Сглупил я. Но почему он не скажет об этом прямо?

– Ах, Дирт, Дирт… Скота осталось мало, и они сами установили железное правило: не резать его ни в коем случае. Только если животное вот-вот умрет. А бывало и дохлых в котел отправляли. Дай угадаю: корова, наверное, не на грани издыхания?

– Старая, но молоко еще дает, пусть и немного.

– Вот и ответ.

– Получается, этот преподобный хочет сам себя обмануть.

– Он вынужден существовать в узких рамках никчемных предрассудков и коллективной глупости. Простолюдины без сюзерена всегда ведут себя забавно. Они словно стадо без пастуха.

– Как бы волки не задрали Русалочку. Я видел следы позавчера. Вот смеху-то будет.

– Летом волк не так страшен…

– Здешние волки об этом не знают. Снебьерра они загрызли как раз летом, прямо на берегу, одни косточки оставили.

– Дикий край, дикие звери… А что касается демонов, то посмотри сюда.

Лэрд перевернул кусок бересты и начал торопливо рисовать.

– Вот линия побережья, вот наша бухта в глубине залива.

– Сторожевой мыс гораздо короче.

– Я сейчас не гоняюсь за точностью, так что не придирайся. Вот гряда холмов, которая окружает долину Хеннигвиля. Дальше они тянутся в разные стороны, на юг и юго-запад. Где-то здесь располагается огромная долина. Она плоская, как наш стол, и заболоченная.

– Помню. Вы говорили, что в ее начале располагается то самое гиблое место, магическая прорва, через которую хода нет почти никому.

– Да. А за ней, не за долиной, начинаются пологие холмы, на которых стоят каменные руины. Остатки древнего города.

– Откуда здесь мог взяться город? Это ведь дикие земли.

– Оттуда же, откуда появилось, как ты его называешь, гиблое место.

– Война против демонов?! С тех самых времен?!

– Так ее назвали победители. На деле демоны – лишь одни из ее участников. Сражались люди друг с другом, демонов привлекали и те и другие.

– Язычники?

– Можно сказать и так. А можно по-другому: они молились другим богам. Те, которые жили в том городе, проиграли войну.

– И что?

– Город превратился в кладбище. А что касается демонов… Их ведь, по слухам, уничтожили не всех. Часть, возможно, до сих пор скрывается на этом интересном материке. Не зря ведь здесь почти никто не живет. Дурная слава пугает желающих переселиться, да и не только слава…

– А кто-нибудь видел здесь демонов, или, как преподобный, все только рассказывают сказки, лишнего шагу в лес не делая?

Далсер задумчиво провел по бересте несколько параллельных линий, перечеркнул их, вздохнул:

– Я не знаю таких людей. Но императорская экспедиция, добравшись до этого города, развернулась назад, причем поспешно. Они сообщали, что видели следы демонов. В такие походы робких не берут, но даже они испугались, ведь древние знания забыты, и как сражаться с этими тварями, никто уже не знает. И это лишь одна из причин того, что они не пошли дальше: встречали и другое, ведь вернулась лишь десятая часть, причем люди погибали вовсе не из-за демонов. Здесь много всего… разного… страшные места… Отчеты той экспедиции хранились в секретной канцелярии при морском министерстве, но у меня был к ней доступ, я читал их лично. Не знаю, насколько им можно верить, но интересного узнал немало…

– И что было потом? После той экспедиции?

– Потом? Потом ничего не было. Императора зарезала родная сестра, а среди его преемников больше не нашлось любознательных. Здешняя земля, Дирт, хранит много тайн, ох как много…

– У вас похлебка остыла.

– Это не страшно. Что сегодня делать будешь?

– Поброжу вдоль ручья, может, хотя бы рябчика подобью, они там частенько попадаются.

– Поброди, в твоем возрасте прогулки только на пользу.

– Лэрд, я не буду ночевать дома сегодня.

– Неужели из-за женщины?

– Если бы так. Из-за Дэгфинна.

Далсер улыбнулся:

– У тебя дурной вкус.

– А у Дэгфинна дурной способ обращаться с просьбами убить старую корову. Сами говорите, что не наше дело резать домашний скот.

– Иногда обстоятельства выше нас. К тому же предполагаю, что он найдет, чем тебя отблагодарить.

– Если не выделит лучший кусок говядины, пусть в другой раз даже не смотрит в мою сторону. А другой раз непременно будет. Хеннигвиль голодает все чаще и чаще. Раньше такого не было. С каждым годом все хуже и хуже, все началось с того, как оскудели ближние поля. Земля там была самая плодородная, в других местах урожай куда скуднее.

– Дело не только в тех полях. Ты же знаешь, что новые не расчищаются: слишком далеко располагаются удобные места, да и запрет мешает, перебороть его даже Дэгфинну непросто. Неудачное место они выбрали под селение, слишком сильно все зависят от моря, а оно не каждый день готово делиться своим добром. Люди стареют, детей вырастает мало, рабочих рук не хватает. Чтобы успешно вести промысел, нужны не лодки, а серьезные баркасы, но там уже парой рыбаков не обойтись, потребуются команды серьезнее. А где их брать? Если всех выгонять в море, кто будет заниматься остальным? На женщин оставить? Среди них маловато на что-то годных, сами они все не осилят. Дети не выживают из-за нехватки еды, селение стареет и вымирает. Человек не может жить без стада себе подобных, и стадо это не должно быть столь малочисленным.

– И что будет дальше?

– Попробуй сам найти ответ.

– Агнар говорил, что он с братом не только лодки делать умеет. Корабль тоже может. На нем мы сумеем добраться до обитаемых земель.

– Они и баркас сделать не могут, куда уж корабль…

– Ну а если сделают?

– Мы никому не нужны на обитаемых землях.

– Везде плохо?

– Хеннигвильцы пришли сюда не просто так. Они бежали, ты же сам знаешь.

– Знаю: им грозил костер.

– Да, еретиков принято сжигать, такие вот милые обычаи в обитаемых землях.

– Поголодают еще пару лет и согласятся сменить веру.

– Конклав Четырех верит лишь в один вид покаяния: через очищающий огонь. Рассчитывать на их милость глупо – в этом вопросе судьи магов как минимум непредсказуемы. Да и мало сменить веру, надо еще головы заменить. Посмотри на хеннигвильцев: их мир – селение и огороды, а дальше шагу нельзя ступить, потому что демоны, Зверь, твари морские. Надо будет, еще что-нибудь придумают, уж в этом их фантазия неиссякаема. Прямо-таки во вражеском окружении живут, если верить преподобному Дэгфинну. Думаешь, это выдумки его полоумного отца? Вовсе нет – это естественная реакция простолюдинов, я такое не раз наблюдал. Разве они видят большой мир? Нет, они копаются в своем навозе день за днем. А оттуда, из большого мира, к ним приходят сборщики податей, грабители, мародеры или те же баронские сынки, охочие до прелестей молоденьких крестьянок. Понимаешь? Ничего хорошего за пределами своего мирка они не видят. Отсюда и реакция: закрыться, спрятать свой мирок от всех и шагу лишнего не делать, чтобы никто о них не узнал, не пришел, не отнял. Ересь дмартов основана в том числе и на этом стремлении: отгородиться от того, что окружает твой маленький мирок. Простолюдины и без религиозности бывают нелепы в этом вопросе. Был свидетелем, как в одной из деревень праздновали свадьбу сразу нескольких пар, у крестьян так принято по осени. В том краю как раз мятеж происходил. Вдали, там и сям, можно было видеть дымы от горящих поселений, бароны, по своему обычаю, разоряли владения противников. Но эти простолюдины будто не замечали, что к ним приближается беда, веселились, ни в чем себе не отказывая. У них и выбора-то не было: в лихие времена передвигаться по дорогам – верный способ найти неприятности.

– Они могли хотя бы спрятаться.

– В тех краях не было лесов. Степь, возделанная чуть ли не до последнего клочка. Беззащитный мирок, и ничего с этим не поделать. Вот и старались не замечать то, на что повлиять невозможно. Лакали свою брагу, делая вид, что рады до беспамятства, а в мыслях молились, чтобы беды большого мира на этот раз прошли мимо, не заглянули в их маленький рай. А ведь даже глупец понимал, что мародеры мимо не пройдут, достанется всем, как это всегда бывает. Хеннигвильцы прекрасно устроились, спрятавшись здесь и окружив себя ордами выдуманной нечисти, они по-своему счастливы, и менять хоть что-либо хотят очень немногие. За границами селения – вековые страхи крестьянина, ни за какие блага эти простолюдины не сделают шаг к страшному. Они будут терпеть лишения, голод, смерть младенцев, лишь бы не сталкиваться с тем, что обступило их игрушечный мирок со всех сторон. Заставь их оставить селение – это будет трагедией.

– Неужели с этим ничего нельзя сделать?

– Не знаю, Дирт, но мало верится в то, что они способны измениться, разве что некоторые вроде кузнеца. Мы слишком много времени отрезаны от мира, а страх все не проходит. Да и как пройдет то, на чем они выросли, чем жили с первого дня появления на свет? – Далсер, как это у него случалось, без причины или хотя бы паузы сменил тему: – Новостей, кстати, не было уже шесть лет. Я о том, что происходит за пределами этой деревни. Помнишь?

– Тот корабль? Да, хотя мне тогда не больше десяти было, конечно, помню. Им тогда не позволили сойти на берег.

– Им на лодке привезли воду и немного досок для ремонта судна. Они отдали кое-что в обмен и поделились новостями. Если им верить, у нас теперь новый император, и он ничуть не лучше прежнего. Да и Конклав набрал силу, трудно сказать, у кого сейчас реальная власть. Аристократия слабеет, единая церковь окончательно срослась с гильдиями магов – это очень серьезно. Когда власть перетекает из рук в руки, жди перемен. Хотя кто бы из них ни перетянул одеяло на себя, нам лучше не станет.

Дирт слушал как завороженный. Лэрд нечасто рассказывал о внешнем мире, и даже крохи таких знаний были безумно интересны подростку.

– А если мы уплывем сами, без хеннигвильцев? Мы ведь не еретики?

– Дирт, весь мир – это огромная волчья стая. Очень голодная стая.

– Зимняя?

– Можно сказать и так. А мы на островке посреди нее. Хищникам надо питаться. Питаться мясом. Мы сейчас – просто мясо, глупо соваться в стаю. У нас еще много бересты? – Лэрд вновь резко сменил тему, скатившись с интересного до обыденного.

Дирту оставалось печально вздохнуть и ответить:

– Если вы будете подчищать то, что вам не нужно, то до весны хватит.

– Это хорошо.

– Жаль, что ее нельзя есть. Было бы просто здорово.

– Дирт, наша жизнь – это чередование случайностей, накладывающихся на общую закономерность. Голод не продлится вечно, тем более летом.

– А почему вы так не любите весь мир?

– Почему ты так подумал?

– Вы сказали, что весь мир – это волчья стая.

– Да, я сказал именно так.

– Выходит, не любите.

– Ошибаешься, Дирт, это он меня не любит. И тебя, кстати, тоже. Мир разорвет нас куда быстрее, чем волки. Гораздо быстрее…

Глава 3

Неизвестно, что там насчет мира, а гуси Дирта точно не любили. Он это осознал очень давно, в том нежном возрасте, когда воспоминания только-только начинают задерживаться в детской голове. Одно из первых возникало перед глазами при мысли об этих омерзительных тварях: огромная белая птица, угрожающе вытянув шею, подбирается чуть ли не со змеиным шипением и больно, до слез, щиплет грязным клювом.

Ему не один раз доводилось конфликтовать с волками. Было дело, сталкивался с медведем. Разошлись миром, но Дирт был готов драться, несмотря на скромный возраст и такие же силы. Он считал, что многое видел и пережил, но тот, первый детский страх, глупый и постыдный, не хотел исчезать. Боялся признаться в этой слабости самому себе и потому всеми способами избегал контактов с

ненавистными птицами.

Но сегодня придется сделать исключение. Керите выпала очередь приглядывать за гусями, которые с утра до вечера торчали на Смородиновом ручье. Слишком большую ценность они представляли для Хеннигвиля, чтобы позволять им резвиться самостоятельно. Лес начинался на другом берегу, а здешние лисы чудовищно хитрые и вечно голодные. Но у животных хватало ума не лезть на рожон перед человеком, пусть это даже невысокая девчонка полутора годами младше Дирта и к тому же выглядевшая крайне несерьезно из-за обилия веснушек и непослушной гривы вьющихся рыжих волос.

Керита, увидев его, улыбнулась:

– Привет, Дирт. Что несешь?

Он поднял трофей:

– Рябчик.

– Всего один?

– Там был выводок, но цыплята совсем мелкие.

– Ты убил их маму?! Зачем?!

– Нет, ее я не тронул. Этот рябчик был один, крутился неподалеку.

– Наверное, отец.

– Если и так, они не умрут без него.

– Дэгфинн опять будет ругаться, если увидит тебя с луком.

– Ваш преподобный очень глупый человек. Как же я буду охотиться без лука? Он сам-то хоть понимает, какую чушь несет?

– Не говори про него так. Ты же знаешь, что лук – это оружие, а оружие нельзя брать в руки. Это большой грех. Господь такое не одобряет. Руки нам даны не для того, чтобы грешить. Они ведь пусты, когда мы рождаемся? Так зачем осквернять их касанием к орудиям убийства.

– Нож тоже оружие, и топор, но все ваши к ним прикасаются. А что вы будете делать, если на селение нападет стая волков?

– Волки так не поступают.

– Ну а вдруг решатся? Что тогда? Будете им рассказывать, что грешно рвать клыками живых людей? Или споете гимн о спасении души?

– Дирт, ты же знаешь, что я не люблю с тобой спорить на эти темы.

– Вот и не начинай.

– Я и не начинала!

– Ну ладно тебе. – Примирительно улыбнувшись, он протянул Керите туесок из бересты.

– Что это?

– Брусники немного осталось с прошлого года. Ссохлась вся, но на вкус ничего.

– Зачем по лесу бродил с туеском?

– Он лежал у меня в тайнике.

– Тайник? Покажешь?

– Он на вершине холма, ты же туда не пойдешь.

– Конечно, не пойду.

– Да там ничего интересного. Я там лук храню в непогоду и мелочи разные. Ягоды зимой нужны, когда петли на птиц ставлю. Приманка хорошая, заметная, ведь красное они издали замечают. Ешь, вкусные ведь.

Керита осторожно сняла тугую крышку, вздохнула:

– Мало совсем.

– Ну да. Остатки. Хорошо, что я о них вспомнил раньше, чем мыши добрались.

– А ты? Хочешь?

– У меня от брусники зубы сводит, – соврал Дирт.

Во всем Хеннигвиле было лишь два человека, которые чуть ли не в любой момент точно знали, чем именно занимается Дирт и где именно бродит: лэрд Далсер и Керита. Остальные верили или делали вид, что верят, будто он встает чуть свет только ради того, чтобы пробежаться по опушке в надежде добыть неосторожно выбравшегося из лесу зверя или птицу. Считалось, что глубоко в чащу Дирт не забредает, потому как это не просто боязно, а запрещено, да и грозит нешуточными неприятностями потерявшему страх ослушнику.

Преподобный Дэгфинн тоже знал правду, но считать его равным лэрду Далсеру и Керите нельзя. Он прекрасно понимал, в чем дело, но даже себе в этом не признавался. Из своих, довольно запутанных, соображений закрывал глаза почти на все. И пусть на людях не упускал возможности пристыдить Дирта за то, что тот оскверняет свои руки прикосновениями к луку – предмету, созданному исключительно ради желания причинять страдания другим, при личном общении вел себя иначе. И даже когда однажды застал его в кузне за изготовлением наконечников, сделал вид, будто ничего не заметил.

Хеннигвилю до зарезу был нужен человек, не пугающийся леса и всех суеверий, связанных с ним. Как говорил лэрд Далсер, крестьянина не переделать, ему нужен посредник, связывающий его мирок с большим миром. Лучший вариант – феодал. У простолюдинов в крови привычка жить под властью тех, в чьих жилах течет благородная кровь. И даже ересь дмартов не могла совладать с этой привычкой. Хеннигвильцы закрылись в селении, но им нужен был кто-то, способный пересекать границу. Взять хотя бы железную руду. Кроме как на

болотах, раздобыть ее негде, а самые богатые трясины располагаются посреди леса. Потому доходило до смешного.

Вот как в тот раз…

Прошлой зимой Дирт убил матерого лося. Две стрелы получило могучее животное, долго пришлось его преследовать, доводить до изнеможения, а потом пытаться выжать из зверя остатки сил, пугать, заставляя повернуть обратно, к морю. И все равно, не дойдя до побережья, сохатый свалился. Его хватало лишь на то, чтобы шумно, предсмертно дышать.

Дотащить тушу до селения целиком Дирт не мог. Разделать и по кускам тягать на волокуше – не выход. Налетит воронье, запах крови почуют волки, а с ними зимой шутки плохи. Терять мясо было нельзя – запасов в Хеннигвиле немного, вот-вот до голода дело дойдет. Сто тридцать четыре человека, считая детей, – столь матерого лося хватит, чтобы несколько дней не ломать голову, чем заполнять котлы.

Дирт мчался назад так быстро, что едва не сломал ногу, спускаясь к берегу, ступня застряла в присыпанном снегом переплетении корней, повезло, что, уже падая, ухитрился освободиться. Лэрд Далсер хмыкнул, выслушав его сбивчивый рассказ об исполинской горе мяса, которую вот-вот начнут делить прожорливые волки, и, уточнив размеры «горы», оделся, после чего направился прямиком к дому преподобного Дэгфинна, где вызвал его на улицу для короткого и довольно необычного разговора. Дирту пришлось еще раз повторить свой рассказ, после чего лэрд предложил взять Агнара – сила кузнеца в таком деле лишней не будет.

Преподобный тогда отказался брать четвертого. Причина банальна: Дирт в самом начале рассказал, что лось ушел слишком далеко от берега. С одной стороны, это уже запретная территория, куда нет ходу жителям, с другой – там валяется столько мяса, что хватит на несколько дней. Дэгфинн тогда предпочел закрыть глаза на первое ради последнего.

Кузнеца, правда, все равно пришлось звать. И не только его. Но уже гораздо позже, когда тушу дотащили до берегового обрыва. Лэрд Далсер тут же заявил, что дальше они справятся без него, и, развернувшись, отправился в селение, пачкать очередной кусок бересты. Дэгфинн, приглушенно выругавшись ему в

спину, направился следом, оставив Дирта сторожить добычу.

Волки появились одновременно с подмогой и, не рискнув связываться с пятеркой мужиков, приведенных преподобным, ушли. Но спустя пару недель едва не отомстили, загнав Дирта на дерево, после чего решили подождать, пока мороз сделает свое холодное дело. Спасло лишь то, что он не бросил лук и, понаблюдав за стаей, вычислил самца с самкой, судя по приметам, всем заправляющих. Далее оставалось поудобнее устроиться и выждать момент, когда условия для стрельбы будут идеальными.

Самку Дирт убил наповал, угодив в то место, где шея соединяется с черепом. Самец ушел, но жить ему оставалось недолго: стрела засела глубоко под лопаткой.

Волчицу Дирт доволок до Хеннигвиля, где ее съели. И это было далеко не самое худшее мясо, которое ему доводилось пробовать в своей жизни.

Преподобный в тот раз Дирта удивил. Ни словом, ни жестом не выказал страха перед лесом или недовольства. А ведь от опушки пришлось пройти не одну тысячу шагов, что выходило непомерно далеко за рамки дозволенного. Лэрд Далсер потом, уже у камина, похвалил Дэгфинна. Сказал, что тот умеет заботиться о своих людях и далеко не дурак. Даже пожалел его: дескать, не повезло с наследством и с кровью, у него характер аристократа, а родители – самое что ни на есть быдло.

На вопрос Дирта, о каком именно наследстве идет речь, Далсер рассказал об отце Дэгфинна. Именно он был инициатором и организатором исхода за море, к берегам таинственной и пугающей Такалиды. Именно из-за него община оказалась здесь, в опасном и скудном краю. И именно он, в самом начале столкнувшись со Зверем, ввел строгие правила, запретив забредать в лес, и всячески нагнетал истерию россказнями о демонах. Дэгфинну после его смерти приходится нелегко. Люди, как правило, глупы и доверчивы, если им что-то как следует вбили в голову, извлечь это непросто.

А вбивали качественно и долго…

…Ягод и на самом деле было мало, Керита с ними расправилась вмиг, так что Дирт недолго давился слюной. Вытрусив из опустевшего туеска соринки,

девушка заметила:

– Брусника весной густо цвела. И ягодок меленьких полным-полно. Наверное, хороший урожай будет. Брусника – ягода хорошая: не портится, только ссыхается или мокнет. И не пачкает, как черника.

– Черника слаще.

– Ну да. Но я собирать ее не люблю.

Оба черничника располагались хоть и на опушке, но тянулись дальше в лес. И очень трудно было вовремя остановиться при сборе, преодолеть соблазн сделать шаг дальше, в сторону запрещенного. А вот брусника чуть ли не сплошным ковром покрывала Сторожевой мыс. Даже на скалах ухитрялась расти, причем в любой год ее там было много, хотя хеннигвильцы обдирали безжалостно, до последней ягодки.

– Я прошелся по ручью и не нашел ни одного стебля ревеня.

– Ты каждый день по ручью ходишь, все давно оборвал.

– Все невозможно заметить.

– Да? Уж мимо тебя точно не пройдет – все замечаешь. Лодка без рыбы опять, сети пустые. Слыхал?

– Знаю.

– Младший Мади пухнет. Говорят, это от голода. У матери молоко пропало, коровьего на всех не хватает. Матерей надо лучше кормить.

– Завтра у нас будет мясо. Поест, и молоко вернется.

– Ты о чем?

– Я о матери младшего Мади.

– А я о мясе спросила. Откуда оно возьмется?

– Преподобный велел отвести на ночь Русалочку к дальней опушке.

– Зачем?

– Чтобы демоны выпили ее кровь и отстали от Хеннигвиля хотя бы ненадолго.

– Что?! Кормить демонов?!

– Дэгфинн говорит, что они от крови не откажутся.

– Зверь тоже кровь пьет.

– Враки.

– Он ведь выпил кровь у младшей сестры Тиггиты в самый первый год. Об этом все знают.

– Лэрд Далсер говорит, что это глупое вранье, суеверие простолюдинов.

– Никакое не вранье. Мне мама не один раз рассказывала. Вас с Далсером тогда еще не было здесь. Ее звали Дитори, она была чужая, как вы. Ее удочерили, не дали пропасть, забрали с собой. Но она так и оставалась чужой и, как ты, никого не слушала. Взяла и зашла далеко в лес, Зверь ее убил за нарушение запрета и выпил всю кровь. Ее тело стало белым и почти ничего не весило. Было это перед Рудным болотом. Поэтому мы на него не ходим.

– Ага. И поэтому собирать клюкву приходится мне.

– Никто тебя не заставляет.

– Она на лекарства нужна, ты же знаешь, что зимой без нее никак.

– Знаю, для зубов она полезная, чтобы не пухли десны, и для лечебного морса. Но мы теперь боимся тех мест. Дирт, мы всего боимся. Этот лес очень плохой, а

ты шутишь со страшными вещами. Я молюсь за тебя все время, когда ты там.

– В лесу не страшнее, чем на побережье. Я там с детства пропадаю, и, как видишь, никто на мою кровь не польстился.

– А позапрошлой зимой?

– Так это меня олень копытом двинул. Я тогда сглупил, расслабился раньше времени. Подумал, что он уже готов, подошел, нагнулся, вот и получил, что заслужил.

– Обманываешь. Наши говорят, что тебя поколотил Зверь, чтобы ты больше не забредал в лес. А ты даже после этого не слушаешься. Это плохо.

– Они знают, что я хожу дальше, чем разрешено?!

– Ну… разное думают. Подозревают… Сам знаешь, что у нас трудно что-то скрыть. Дирт, я боюсь. За тебя боюсь. – Керита отвернулась, присела, обхватив обтянутые серой юбкой коленки ладонями, уставилась на ненавистных гусей, оскверняющих чистейшую воду своей нескончаемой возней.

Присев рядом, Дирт положил руку на плечо девушки. Хотелось, конечно, большего, но мерещились десятки давящих взглядов со стороны селения, женщины Хеннигвиля будут против такой фривольности, но против невинных мелочей возражать не станут.

Успокаивающе произнес:

– За меня бойся в последнюю очередь. Я вас всех переживу.

– Не говори так. Беду накличешь.

– Прости, но я говорю правду. Нам с лэрдом Далсером много чего пережить пришлось, но мы до сих пор живы. Что нам этот лес – ерунда. Не бойся.
А хочешь… Керита, а хочешь, я тебя свожу в лес? Туда, на вершину холма? Там красиво.

– Ты что?! Там же!..

– Я даже могу показать тебе Зверя.

– Не надо так шутить!

– Это не шутка. Я видел его не один раз. Рассказывал ведь тебе.

– Я не люблю такие рассказы. Ты перевираешь слова преподобного, это нехорошо, и греховным попахивает. Лучше расскажи, как вы были в других местах. Ну не здесь. Не в Хеннигвиле. Там…

– Уже много раз рассказывал.

– Ну расскажи еще. Интересно ведь. Мне не надоело слушать.

– Ты же знаешь, я был слишком мал тогда, почти ничего не помню.

– Ну расскажи, что помнишь.

– Мы жили на острове. Не сначала, мы туда приплыли на большом корабле. Только этого я совсем не помню.

– Что за остров? Как называется?

– Его называли Ханнхольд, ты же знаешь.

– Мало ли что я знаю! Подробно рассказывай.

– Там жили люди твоего народа. Все ваши там жили до того, как сюда уплыли.

– А как это – остров?

– Как те острова, что на выходе из залива. Куда ни пойдешь, рано или поздно выходишь к морю. Я, правда, не ходил далеко, слишком мал был. Да и остров очень большой, посередине были горы, лесом покрытые, люди туда не любили

заглядывать. Дурная слава, как и у этого леса. Дмарты везде одинаковые.

– Там был Зверь? Демоны? Что?

– Не знаю, я ведь маленький был. Помню, женщина, которая у нас убирала и готовила еду, пугала меня этим лесом до слез. А лэрд Далсер говорил, что приверженцы вашей веры любят придумывать пустые страхи о лесах и болотах. Делают все, чтобы люди боялись уходить из селений далеко.

– Та женщина была старая?

– Нет. Молодая.

– Красивая?

– Наверное. Я плохо ее помню. Только то, что волосы у нее были очень длинные и ровные и пахло от нее какими-то цветами.

– Красивая… А почему лэрд Дэгфин не женился? Мог бы на ней жениться, у нее красивые волосы, и она справлялась с хозяйством.

– Мне почем знать? Это надо его спрашивать.

– Ну да, так он мне и ответит. Ему у нас предлагали жену, он не взял. Говорят, что он не считает наших женщин ровней себе.

– Ну вы простолюдины, а он аристократ.

– Глупости это все, у каждого мужчины должна быть жена. А во что одевалась та женщина?

– Да так же, как и здесь одеваются: платья, юбки и всякое. Только цвета были поярче. Красили как-то ткань, делали розовой, синей и зеленой. И красная тоже была, наверное. Я плохо помню.

– У нас не умеют красить одежду. Жаль, было бы здорово такую поносить. А сколько там было людей? Больше, чем у нас?

– Гораздо больше. Я даже не могу сказать сколько. Наверное, в Хеннигвиле людей гораздо меньше, чем там домов.

– Вот здорово! Столько разных людей. А у нас одни и те же рожи. Некоторые так надоели, что тошнит от одного взгляда на них.

– А когда видишь Мади, не тошнит?

– Ты о каком Мади?

– О каком же еще? О сынке Гуди.

– Вот от него точно скоро тошнить будет, он мне проходу не дает. Пристал сегодня…

Дирт напрягся:

– Что он сделал?!

– Да ничего…

– А мне сказали, будто он всем треплется, что у тебя с ним свадьба на носу. Это так?

– Что?! – искренне опешила Керита. – Да пусть он на Русалочке женится, боров толстопузый!

Женское настроение в изменчивости может соревноваться лишь с одним – с направлением женских мыслей. Вот и сейчас, упомянув корову, Керита вспомнила начало разговора:

– Ой! Русалочка! Ее ведь убьет Зверь или демоны! Зачем так с ней поступать?!

– Преподобный Дэгфинн сказал, что Зверь ослабел и не может больше защищать свой лес. Пришли древние демоны и насылают на нас беды. Сами мы с ними не справимся, значит, нужно от них откупиться хотя бы на время. А там Зверь снова наберет силу и очистит лес. Он ведь не потерпит нечисть в своих владениях.

– Но отдавать корову…

– Ты еще не все поняла. Преподобный – тот еще хитрец, решил и демонов накормить, и хеннигвильцев. Те ведь только кровь пьют, значит, мясо останется. И его можно будет съесть.

– После проклятых демонов?!

– А у нас есть выбор? Кладовые забиты? Сети рвутся от рыбы?

– Ну да… Правильно преподобный решил. Русалочка старая, теленок у нее мертвым родился. Ее не очень жалко. Хотя, если честно, все равно жалко.

– Ага. Лучше бы твоих гусей там оставили. Мясо у них хуже говядины, но сойдет и такое.

– Нельзя, гусей и так мало осталось. Дирт, ты ведь говорил, что демонов нет.

– Я и сейчас так говорю.

– Тогда как же они выпьют кровь из Русалочки?

– Спроси Дэгфинна.

– Я думаю, что он не демонам ее отдает, а Зверю. Хотя ты говорил, что Зверь не трогает людей, но корову, наверное, тронет.

– Ты только что мне рассказывала, как он выпил всю кровь из бедной Дитори.

– Ну это мне так мама говорила и другие женщины. Дитори без крови осталась, а преподобный сказал, что из Русалочки тоже кровь выпьют. Совсем запуталась…

Дирт, я уже не знаю, кому верить. Ты одно говоришь, а все остальные совсем другое.

– Делам надо верить, а не пустым словам. Я вот по лесу хожу и жив. А они трясутся от страха при виде деревьев. Их дети голодают, а они молятся часами, вместо того чтобы нужным делом заняться.

– Каким делом?

– Нам надо собраться и устроить загонную охоту, как лэрд Далсер не один раз предлагал. Мы всех досыта накормим, если сделаем это вместе. Аристократы так и охотятся, им зверей загоняют простолюдины.

– Нельзя ходить в лес.

– Можно. Я хожу, значит, и вам можно.

– Если демонов нет, а Зверю не нужна кровь, то что будет с коровой?

Дирт многое был готов рассказать Керите, но сейчас, вспомнив о женской болтливости, прикусил язык и попытался увести разговор в безопасное русло:

– Да не переживай, темной ночью на дальней опушке непременно отыщется любитель коровьей крови. Ночью даже я в лес не хожу, в темноте там и впрямь опасно.

– А зимой ходил.

– Зимой день короткий, мне деваться некуда было. Керита, если Мади к тебе полезет хоть жестом, хоть словом, ты сразу мне говори. Не надо, чтобы я узнавал об этом от других. Хорошо?

Девушка, взглянув искоса, самым краешком глаза, ответила:

– Мади просто дуралей. Он всегда таким был. Просто не обращай на него внимания.

– На такое я не могу не обращать внимания.

– Дирт, ты же понимаешь: отец не отдаст меня за тебя.

– Почему ты так уверена?!

– Да все потому же. Вы здесь чужие. Не такие, как мы, неправильно живете, и веры у вас нет. Мы совсем разные. У нас все свои, с чужаками быть не принято.

– А вы правильно живете?! Лэрду Далсеру жену предлагали, а я, значит, чужой?!

– Ему предлагали такую же чужую. Она случайно к нам прибилась, еще до того как мы сюда переехали. Она не стала своей.

– Глупости, она ничем от вас не отличалась. И с каждым годом вас все меньше и меньше становится. Ваше селение когда-нибудь вымрет полностью. Это разве правильно?! О чем вообще думает твой отец?! О чем вы все думаете?!

– А о чем думаете вы?

– О разном. Лэрд Далсер говорит, что на другом побережье тоже есть селения. Там больше людей, мы могли бы попытаться туда добраться.

– И попасть к спайдерам?

– Может, они не добрались туда. Это ведь далеко к югу и тоже Такалида. Что они там забыли? Спайдеров раньше в тех местах не было, а жили вольные люди вроде вас.

– А как мы туда доберемся?

– Можно сделать большие лодки, чтобы все поместились. Только нужно припасы заготовить. Но это не так уж трудно, рыба ведь не навсегда пропала. Так бывает часто, она обязательно вернется, соль есть, коптильни есть, урожай соберем и голодать в пути не будем. Главное, успеть добраться до осенних штормов.

– Знаешь, Дирт, мне бы хотелось попасть в места, где живет много людей. Здесь ведь все всегда одинаково, очень скучно, а иногда страшно. Даже не иногда, а почти всегда. Здесь нет одежды с яркой окраской и даже мужа не из кого выбирать.

– А как же я?!

– Тебе ни за что не позволят. А вот Гуди может сговориться с отцом. Я, конечно, лучше утоплюсь, чем пойду за Мади, но разве меня станут слушать…

Дирт убрал руку с плеча Кериты и сквозь зубы произнес:

– Мы убежим.

– Куда?

– Туда, где много людей. Я смогу найти дорогу, это нетрудно. Просто будем все время идти по берегу. Не обязательно плыть.

– Как это? Ты же не знаешь, что там дальше?

– Леса, холмы, камни. Я далеко ходил, ничего другого никогда не встречал.
У тебя сильные ноги, у меня тоже. Дойдем.

– А демоны?!

– Если тебе так страшно, не будем забредать далеко в лес, а возле соленой воды у них мало силы, ты же сама знаешь.

– Да, так говорит преподобный Дэгфинн. Но если демоны боятся морской воды, то почему из-за них исчезла рыба?

– Хороший вопрос, думаю, преподобный будет недоволен, если его услышит. Врать тоже надо уметь, у него не всегда получается.

– Преподобный Дэгфинн врет?!

– Ага. С самым честным лицом.

– Но преподобный не может врать!

– Все люди врут, а он тоже человек. И вообще мы сейчас не о нем говорим.

– Ну хорошо, а что мы будем есть?

– Уж двоих я легко прокормлю.

– Как?

– Ну посмотри сама. Сегодня день очень неудачный: я добыл всего лишь одного рябчика и нашел гриб. Даже этого хватит, чтобы сделать похлебку, пусть жиденькую. А вчера был заяц, и немаленький, такого и троим хватит брюхо набить. Позавчера дичи не было, но зато до этого я подстрелил косулю. Разве мы бы голодали?

– Нет. Но ведь на охоту уходит много времени, а дорога, наверное, очень дальняя. Что мы будем делать, когда настанет зима? Идти по снегу? Или останавливаться? А как останавливаться без теплого жилья? И где мы возьмем зимнюю одежду?

Дирт чуть не разозлился:

– Керита, ну что ты закидала меня вопросами?! Сильно хочешь замуж за Мади?!

– Не надо так говорить! Я просто очень боюсь. Ты ведь сам не понимаешь, что несешь. Вокруг очень плохие места, все боятся сюда приходить, поэтому наша община смогла так долго прятаться. А ты хочешь пешком идти очень далеко и меня тащить за собой. Давай лучше украдем лодку. Ночью, когда никто не видит. Их ведь две, оставшейся хватит, чтобы рыбачить.

– Вторая старая, на ней от берега отходить страшно. Нельзя оставлять Хеннигвиль без лодки. Как же они будут рыбу добывать?

– Но без лодки у нас ничего не получится. В ней можно плыть и попутно ловить рыбу. И там нас не тронут демоны. У них нет силы на море.

– Ага. Нет. Так говорит преподобный Дэгфинн. А еще он говорит, что рыбы в сетях нет из-за проделок этих самых демонов. Я уже давно запутался в его словах, да и он тоже. Удивлен, что вы ему в рот заглядываете, ведь он врет через слово.

– Из-за тебя я тоже запуталась. Но идти по берегу мне страшно.

– Больше, чем идти замуж за Мади?

Керита опустила голову:

– Дирт… я не знаю. Ты очень сильно меня запутал…

Поднявшись, он вздохнул:

– Посиди здесь, я в лес вернусь.

– Зачем?

– Да ненадолго. Спрячу лук и колчан, нельзя мне с оружием на глаза вашим показываться. Потом вместе погоним гусей назад. Дождешься меня?

– Конечно, Дирт. И это… – Керита подняла голову, посмотрела виновато: – Не надо говорить лишний раз про Мади. У меня и так голова болит думать об этом. Ты же знаешь: женихов для меня нет. Кто старше, те уже заняты, за тех, кто младше, у нас идти неприлично. Есть еще Будо и Свельф, ровня мне, но они тоже заняты, у них родители давно сговорились. Остается Скинаф, но он мой брат двоюродный, Господь против таких браков. Есть еще Агнар младший, он, конечно, староват и вдовец, но не в этом дело, у него осенью свадьба со Свехой, они любят друг друга давно, с той поры как его первая жена болеть начала. Сам, наверное, помнишь, все об этом шептались. И есть ты, чужак по жизни и вере, за которого отец ни за что не отдаст. И Мади – он не родственник и старше меня почти на два года. Дирт, в Хеннигвиле у меня нет никакого выбора. И не только у меня. Нас мало. Нас не спрашивают. Я молю Господа, но чем он поможет? Сама

не знаю…

– Мы что-нибудь придумаем, – уверенно произнес Дирт и направился к лесу.

В душе он ни малейшей уверенности не ощущал.

Глава 4

Дирт верил лишь в то, что видели его глаза. Исключения делал лишь ради лэрда Далсера – всему, что тот заявлял, доверял безоговорочно. Пожалуй, единственный в мире человек, слова которого никогда не расходились с делом и ни разу не противоречили одно другому.

Демонов Дирт ни разу не видел. Не видел даже их следов. Ну, разве что кроме того случая, позапрошлой весной. И понесло же его в такую даль непонятно зачем, причем по самой отвратительной погоде: пробирающая до костей сырость, мокрый туман поутру и моросящий холодный дождик, зарядивший на весь день. Внезапно решил именно в этот далеко не самый благоприятный момент найти исток Смородинового ручья и, найдя, забрался еще дальше, обнаружив заросшую орешником лощину, где и заметил странный оттиск. А потом мчался назад перепуганным фазаном, не разбирая дороги и напрягая уши в ожидании звуков погони. Повезло, что успел добраться до селения засветло, не усугубляя свой страх зловещей темнотой сырого леса.

Он тогда вовсе не следов испугался. Испугался того, что глупые сказки хеннигвильцев могут оказаться не такими уж глупыми.

Но тот случай ничего не доказывал. След был старым, и над ним как следует поработали превратности неустойчивой весенней погоды. Возможно, изначально его оставил никакой не демон, а всего-навсего волк с покалеченной лапой. Такой в здешней стае был и, несмотря на увечье, двигался проворно. Дирт с серыми не очень-то дружил, но этого уважал за упорство. Повезло, что ранена задняя – с хромой передней пришлось бы куда труднее.

Волки Дирта тоже уважали, хотя при случае не отказались бы слопать и растащить косточки. Но это зимой, летом они вели себя прилично и чуть ли не раскланивались с ним при редких встречах. С хромым он пару раз расходился на несколько шагов, этот представитель серого племени был самым наглым в стае, нередко часами следил за Диртом издали или бродил по его следам. Не ради гастрономического интереса, скорее всего хищника удивлял двуногий, осмеливавшийся бродить по лесу. Ведь все звери знали, что люди дальше опушки шаг сделать боятся.

В общем, за исключением единичного, более чем сомнительного случая и дурацких россказней простофиль-хеннигвильцев, подтверждений того, что жуткие демоны толпами шастают по лесу, не было. Но если их нет в лесу, где же они? Каким образом оказывают влияние на прибрежные воды? На урожай? На удой? На то, сколько яиц снесут куры и гуси? И как же они успевают командовать воронами, ворующими зазевавшихся цыплят?

Дирт не был глупцом и не сомневался, что даже без мудрых речей лэрда Далсера сумел бы оценить весь ворох противоречий в этих вопросах. И не мог понять наивность хеннигвильцев. Те настолько уверовали во всю эту смехотворную чушь, что даже преподобный Дэгфинн, при всех своих недостатках, умеющий отделять правду от ерунды, вынужден считаться с их предрассудками.

В демонов Дирт не верил. Но иногда в душу закрадывалось сомнение. Вот как сейчас, тут любой заподозрит шутку недобрых сил. Судите сами: все утро бродил по лесу, собирая на себя холодную росу, затем под вечер сделал петлю по долине Смородинового ручья. И что? Да ничего: один жалкий рябчик и косуля, к которой не удалось подобраться. Зато, спрятав лук на вершине холма и уже спустившись до середины склона, Дирт наткнулся на одинокого оленя, к тому же раненого или больного. Уж очень тяжело убегал.

Дирт подкрался к нему на четыре десятка шагов, прежде чем зверь его заметил. Будь в руках не нож, а лук и всего лишь одна стрела…

Эх…

К ручью он спустился в расстроенных чувствах. И еще больше расстроился, увидев, что Керита не одна. Причем компанию ей составляли люди, к которым он

питал самые разные чувства, но симпатии среди них не значилось. Особенно неприятен был Мади, сынок Гуди. Заявился он не один, а с младшим братом, Аудом. Тот сейчас гнал стайку гусей к селению, весело помахивая прутиком, а толстяк схватил девушку за руку и что-то с жаром ей втолковывал, не обращая внимания на ее попытки высвободиться.

Лицо Дирта вспыхнуло, а ладони сами сжались в кулаки. Едва не упав, преодолел последние шаги спуска, быстрым шагом направился к парочке, еще издали растянул рот в искренней улыбке и как можно радушнее поприветствовал соперника:

– Мади, привет! Я тебя искал!

Толстяк, удивленно обернувшись, не нашел ничего лучше, чем тупо спросить:

– Зачем?

– Ну ты ведь хотел меня поколотить? Так? И как же ты, дуралей безголовый, собирался это проделать в мое отсутствие? Или знаешь какой-нибудь хитрый способ?

Все это Дирт проговаривал на ходу, пытаясь при этом улыбаться как можно дружелюбнее, но не забывая разминать правый кулак, то сжимая его, то расслабляя. Лэрд Далсер говорил, что при неосторожном ударе можно серьезно травмировать руку, а охотнику нужно, чтобы обе руки были рабочими, а не распухшими от неаккуратного обращения с чужими физиономиями.

А еще лэрд Далсер рассказывал, что озадаченный или растерянный враг – это ослабленный противник.

Фразы, в которых больше трех слов, скудный умишко Мади быстро переварить не мог – толстяк растерялся. Инстинктивно осознав угрозу, оставил руку Кериты в покое, раскрыл было рот, наверное, собираясь заявить что-то очень угрожающее, после чего бешеным быком ринуться в атаку, пытаясь задавить худосочного Дирта своей немалой массой.

Не успел.

Дирт, приблизившись, ударил без предупреждения, принятого у драчунов Хеннигвиля. Костяшки кулака взорвались болью, Мади, получив под глаз неожиданный подарок, попятился, вскидывая руки, будто копировал действия человека, атакованного стаей разозленных ос. Дирт, продолжая надвигаться, прыгнул, выставив вперед левое колено и одновременно стараясь достать лицо толстяка еще раз. Столкновение вышло жестким, толстяк не удержался, тяжело повалился на спину, брызнув из носа красным. Керита взвизгнула, Ауд скулящим голосом взмолился:

– Не бей его! Не бей! Не убивай! Не надо!

– Его?! Убивать?! – Дирт улыбнулся нервно, с зубовным скрежетом и, поставив ногу на грудь Мади, зажимавшего разбитый нос, прошипел: – Ну что?! Каковы успехи?! Как следует поколотил?! Или добавить?! Добавить?!!

Толстяк замотал головой столь усердно, что кровотечение из носа заметно усилилось.

– Не приближайся к Керите, тупой боров! Понял?! Точно понял или хочешь добавки?!

Мади переживал сложнейший жизненный момент, связанный с крушением привычной картины мира. Никогда еще в истории Хеннигвиля один драчун так быстро не побеждал другого, к тому же столь эффектно и бесспорно. И вообще все всегда происходило совсем не так.

Драка – это не просто размахивание кулаками. Это строгий ритуал, и его следует неукоснительно придерживаться. Первая фаза стычки происходит на словах. В зависимости от обстоятельств противники осыпают друг дружку бранью, обвинениями, насмешками. Когда одного из них особенно сильно задевают слова второго и терпеть становится невозможно, он должен ясно дать понять, что конфликт переходит в стадию физического воздействия. Как правило, это делается с помощью фраз вроде: «Я сейчас из твоей поганой рожи бычью задницу сделаю!» Иногда сразу после этого начинают мутузить друг дружку, иногда наступает период остывания, где драчуны возвращаются к перебранке, заводя себя для нового витка конфликта.

В большинстве случаев до самой драки дело не доходит. Хеннигвиль – слишком маленькое поселение, народ живет тесно, трудно оставаться незамеченным. Вездесущие женщины имеют привычку прибегать на шум перебранки и начинать орать по-своему, этого обычно хватает, чтобы морды спорщиков остались целыми.

Если по каким-то причинам драка все-таки начиналась, то проходила она по одному и тому же сценарию. Противники сближались на расстояние вытянутой руки, после чего старались заехать друг другу кулаком в лицо. Эта фаза длилась недолго, но, как правило, именно она отвечала за большую часть повреждений: расквашенные носы и губы, синяки, заплывшие глаза, рассеченные брови и даже потерянные зубы.

Несколько ударов, обычно один-два от каждой стороны – лэрд Далсер называл это холопскими дуэлями. А дальше уже начиналось то, что он никак не называл, только морщился брезгливо при виде такого зрелища. Мужчины вцеплялись один в другого, громко пыхтели, пихались кулаками, локтями, коленями, часто падали, катаясь по грязи и навозу. Далее их или разнимали, или один из соперников терял силы и боевой настрой, после чего второй, прижав его к земле своей тушей, возобновлял словесную перепалку, но на этот раз в другом ключе: «Я же говорил, что превращу твою морду в бычий зад? Говорил? Ну так вот – именно это я и сделал».

Но до такого доходило редко, обычно успевали разнять. Драки были столь редким явлением, что даже спустя месяцы их продолжали обсуждать с куда большим интересом, чем очередное рождение мертвого младенца. Преподобный Дэгфинн при всяком удобном случае не забывал напомнить участникам, что они жутко согрешили, подняв руку на своего ближнего. И бородатые мужики краснели, бледнели, опускали глаза и что-то невразумительно мямлили в оправдание. Так продолжалось, пока «боевые новости» не затмевали другие яркие события вроде запутавшегося в сетях огромного тунца или провалившегося под неудачливым посетителем хлипкого пола нужника.

Дирт не разговаривал. Не предупреждал. Он просто подошел, врезал как следует и, напрочь проигнорировав стадию «объятий», свалил Мади на землю. Это противоречило всем принципам такого важнейшего дела, как драка. Так не дерутся. Это неправильно и некрасиво. Он не дал кому-нибудь шанса разнять соперников, не обменялся с толстяком обидными высказываниями и даже не запачкал свою одежду в грязи, оставив эту сомнительную честь поверженному.

Все это читалось в глазах потрясенного Мади. И еще там читалось кое-что другое – страх. Толстяк вспомнил, с кем связался. Ведь если лэрда Далсера все считали абсолютно чужим, то к Дирту относились чуть иначе. Пусть он и ведет себя во многом неправильно, но в остальном ничем не отличается от других. Ведь лэрда можно было привлечь к общим делам лишь в экстраординарных случаях, да и то не всегда получалось, а Дирт любому готов помочь во всем. Именно благодаря ему хеннигвильцы пусть изредка, но лакомятся медом; он – единственный поставщик болотной руды; лучший сборщик лесных орехов и лечебных трав; и дичь в голодные периоды тоже лишней не бывает.

Лэрда Далсера в Хеннигвиле уважали, но и побаивались. Мало того что чужак, так еще и ведун, якшающийся с магией, возможно, даже темной. Не такой страшный, как спайдер, но вызывает большие опасения, из-за чего хеннигвильцы приняли его с великой неохотой. К Дирту поначалу относились аналогично и лишь с годами начали считать его почти за своего.

А сейчас Мади вспомнил, что не свой он. Странный мальчишка при странном маге, они появились без предупреждения, после страшной бури, насланной на побережье не иначе как демонами. Приплыли неведомо откуда на крошечном суденышке, которое окончило свои дни на острых камнях под обрывом Сторожевого мыса. При северном ветре все здешнее побережье превращается в ловушку – бухт мало, подходы к ним небезопасны, даже днем в спокойную погоду не везде удастся причалить.

А уж в бурю…

Злость Дирта погасла столь же стремительно, как вспыхнула. Он даже испытал нечто похожее на стыд. Чужой он здесь. Не такой, как простодушные хеннигвильцы. У этого заторможенного толстяка ни единого шанса против него не было. Жизнь его бесхитростна, и мысли тоже. Все всегда одинаково, и любое отклонение от привычного приводит к ступору. Вон и сейчас лежит, не пытаясь подняться. А ведь он старше, сильнее и уж насколько тяжелее.

Керита, прекратив визжать, смотрела на избитого Мади поверх ладоней, которыми прикрывала лицо. Ауд застыл столбом, позабыв про гусей, и трижды проклятые твари недоуменно гоготали, не понимая, почему нарушился привычный распорядок их жизни, такой же монотонной, как существование поколоченного толстяка. Все, в том числе и гуси, никуда не спешили, занимаясь

тем, что таращились друг на друга.

В этот момент появились новые участники конфликта – Фроди со своей женой Грильдой. Первый был одним из самых примечательных жителей Хеннигвиля, прославившись тем, что даже в самые голодные времена нередко ухитрялся напиваться до полусмерти. Нет браги? Не беда, можно нарвать лесных ягод, и пусть перебродят в теплом местечке. Ягод нет? Тоже не смертельно, если ты заблаговременно насушил мухоморов. При желании и полном отсутствии того, что называют здравым смыслом, с их помощью можно добиться много чего интересного.

Фроди был непревзойденной звездой большей части здешних сенсаций. То спящим в хлеву вместе со свиньями обнаружится, то, одурев от мухоморов, начнет биться головой о стену сарая до крови, то высморкается на похоронах до кровавых соплей или даже с демоническим хохотом оглушительно испортит воздух посреди торжественной проповеди преподобного Дэгфинна.

А еще Фроди был главным драчуном Хеннигвиля. Он не пропускал ни единой возможности схлопотать по морде. Хотя, надо признать, что, несмотря на субтильное телосложение, мало кому из его противников удавалось поколотить его безнаказанно.

Пьяным он дрался отчаянно, разрывая одежду, кусаясь, воя волком, царапаясь. Так что конфликтовать с ним отваживались нечасто и лишь в редкие периоды его трезвости.

Грильда тоже была примечательна много чем. Во-первых, никак не реагировала на выходки мужа, но если просили его утихомирить, добивалась этого молниеносно, в том числе и с помощью оплеух, способных свалить корову с копыт. Во-вторых, по росту выше Грильды и пяти человек во всем селении не найти. В-третьих, детей у нее не было вообще, даже мертворожденных, но при этом, по слухам, она отличалась чрезмерной любвеобильностью. В-четвертых, Фроди был ее третьим мужем, что для Хеннигвиля считалось абсолютным рекордом. Прежние два были рыбаками, и с разницей в два года их забрало море. Твердо решив более не связываться с теми, кого может погубить вода, она сошлась с первым пьяницей.

И похоже, не прогадала: если третий супруг и погибнет, то уж точно не от воды. Его даже в баню загнать трудно, не то что в море.

Да и в числе употребляемых им напитков вода стояла на последнем месте. Он любил ее настолько, что даже приближаться к ней лишний раз не хотел.

Дело в том, что Фроди панически боялся моря и всего с ним связанного. Дирт, сколько себя помнил, ни разу не видел его на берегу, что более чем удивительно, ведь селение вытягивалось вдоль берега, будто прижимаясь к нему в поисках защиты от нависающего над кручей леса. Куда бы ты ни пошел, везде видны волны и слышен их шум, а уж в распутицу спрямить путь по чистому, покрытому галькой пляжу – милое дело.

Лишь Фроди не спрямлял.

Каким чудом его удалось затащить на корабль, доставивший общину к берегу Такалиды, Дирт не знал, но выслушал немало полулегендарных историй на эту тему, где фигурировали цепи, веревки и снотворная маковая настойка. Но и эти меры предосторожности оказались недостаточными: Фроди ухитрялся буянить, даже связанный по рукам и ногам.

Дирт, увидев супружескую парочку, мгновенно осознал: драка осталась в прошлом, а теперь начнется самая потеха.

– Жирный, вставай! – с ходу заорал Фроди, азартно размахивая руками. – Давай! Покажи этому заморскому хлюпику, на что способны мы, хеннигвильцы! Разбей чужаку глупую голову! Разбей всмятку! Как тухлое яйцо! Давай! Ты можешь! Хватит валяться! Ну же! Мешок дерьма!

Грильда, тяжело вздохнув, отвесила мужу столь звонкую оплеуху, что впечатленные гуси загоготали в три раза пуще прежнего.

– Уймись уже, драчун! Эй! Ты! Дирт! Не трогай Мади! И дай ему встать!

– Да нужен он мне… – буркнул Дирт, убирая ногу с груди поверженного противника.

– Что не поделили?

– Он Кериту хватал.

– Видела я, как хватал. Просто за руку брал. Это ведь не грех, тем более что быть ему ее мужем вскорости, я так думаю.

За девочками в Хеннигвиле надзирали строго. Всегда на виду: пусть издали, но кто-нибудь из женщин поглядывает. Не позволяли воздыхателям зайти дальше дозволенного. Вроде бы не в селении ручей течет, но рядом, Кериту хорошо видно от околицы.

Грильда подтвердила предположение Дирта, что именно она сегодня считала своим долгом следить за нравственностью девушки.

– А ты ее почти двумя руками обнимал. Нехорошо это Дирт. И совсем нехорошо, что на бедняжку Мади все валишь и нос ему разбил. Кровь проливать – грех великий.

Фроди, осторожно отодвинувшись от супруги на безопасную дистанцию, осмелел и вновь вернулся к провокациям:

– Дирт, Мади чего-то не встает. Пни его, что ли, а то так и будет валяться. Простудится ведь на сырой земле, пни уже, не тяни.

– Я тебя сейчас так пну, что до самого леса зубы разлетятся, – беззлобно пригрозила Грильда. – Дирт, не надо так больше делать, а то я сама за тебя возьмусь. Ты понял меня?

Дирт указал на продолжавшего валяться Мади:

– Если его не будет рядом с Керитой, никто и пальцем не тронет, и я в том числе. Кому он нужен, недоделанный боров.

– Не говори так заумно. Вас, чужаков, разве поймешь? Сказала тебе, не тронь. Или хочешь, чтобы все наши бабы тебя граблями встречали? Не станет тебе здесь жизни, если за ум не возьмешься. Этого хочешь?

– Ну раз за этот кусок жира только бабы вступиться готовы, то трогать его не стану. Баб жалко, да и не мужское дело руку на них поднимать.

– Я бы на свою поднял, – осторожно высказался Фроди.

Зря он это сделал: вектор интересов Грильды резко сместился.

– Ах ты пиявка гнилая! Ну-ка получай!

Задрав подол длинного платья, она припустила за улепетывающим мужем. Из-за крайнего дома выглянула Альвида – первая крикунья Хеннигвиля, и, не разобравшись, что именно произошло, завыла на самой высокой ноте.

– Фроди опять дерется! Мади побил! Уже на детей руки распускает! Грильда! Держи его! Держи! Я сейчас помогу! Только грабли возьму!

Фроди после таких слов припустил вдвое быстрее, а Мади, вскочив, обеими руками подхватил огромный камень, поднял его над головой и пошел на Дирта. Сверкая налитыми кровью глазами, прорычал:

– Уходи отсюда! Убью!

Дирт, не шелохнувшись, лениво поинтересовался:

– Жирный, а это ничего, что ты взял один из камней лэрда Далсера? Тех самых камней. Не боишься, что руки по плечи сгниют? Или не заметил руны? Ну так разуй глаза и посмотри, за что взялся!

Мади отбросил булыжник с воплем ужаса, попятился, оступился, тяжело плюхнулся на широченную задницу. Камень, прокатившись по земле, закончил свой путь в крохотной лужице, обратив к небу сторону, на которой был вырезан знак: глаз, заключенный в треугольник.

Керита коснулась плеча Дирта, поспешно произнесла:

– Иди быстрее отсюда. Сейчас все сбегутся, и влетит тебе за него.

– Ладно, пойду. Теперь он тебя не тронет.

– Да, не тронет.

Керита даже улыбнулась вслед одними губами, неестественно. Но выражение ее глаз в этот момент Дирту понравилось.

Он вспоминал ее взгляд всю дорогу. Пожалуй, она уже на полпути, чтобы согласиться бросить все и отправиться с ним к далекой чужой земле.

* * *

Лэрд так и сидел за столом, разрисовывая очередной кусок бересты, но Дирт знал, что при кажущейся отрешенности от мира, тот не пропускал ничего из происходящего вокруг. Вот и сейчас, даже не поднимая глаз, своим обычным, совершенно спокойным голосом спросил:

– Что за шум на околице? И не связан ли он с твоим разбитым кулаком?

Погладив саднящие костяшки, Дирк признался:

– Еще как связан.

– И?

– Я поколотил Мади.

– Надеюсь, ты не поднял руку на беспомощного младенца?

– Нет, досталось старшему, толстяку.

– Из-за женщины?

Дирт, чуть было не брякнувший «нет», осекся. А ведь и впрямь из-за женщины. Но признаваться в этом не стал, ответив вопросом на вопрос:

– Почему вы всегда спрашиваете, не замешана ли женщина?

– Потому что у прелестниц всех возрастов есть любопытная особенность быть замешанными практически во все. К тому же твой возраст подразумевает повышенный интерес к этим неблагодарным созданиям. И как бы ни тяжело обстояли дела с этим вопросом в Хеннигвиле, я знаю по меньшей мере двух веселых вдовушек, которые станут еще веселее, если их кто-нибудь приласкает.

– Не было никаких вдовушек. Этот урод лез к Керите, и мне пришлось его проучить.

– Какое тебе дело до Кериты?

– Дело важное, она мне нравится.

– Я почему-то не удивлен – дивный цветок для любого сада, а уж здесь ей нет соперниц. Странно, что вырос именно в таком неблагодарном месте, на потеху тупой деревенщине. Не иначе как в ее роду затесалась благородная кровь. Некоторые аристократы – те еще любители сеновалов и лунных ночей. И что дальше? Надеюсь, ты не заставишь меня свататься к ее родителям?

– Неплохая мысль.

– Думаешь, они согласятся?

– Если вы как следует попросите, то да, – с намеком ответил Дирт.

– То есть ты хочешь, чтобы я их припугнул некими бедами магического характера, которые могут произойти вследствие их отказа?

– Я это не говорил, вы сами предложили, – с видом оскорбленной добродетели заявил Дирт.

– Боюсь, я не стану с ними общаться по этому поводу. Керита не будет твоей женой. Это невозможно, забудь о ней.

– Почему?

– Она не ровня тебе. Более чем не ровня, мне сама мысль о таком союзе противна. Одно дело порезвиться с глупой деревенской девкой на свежем сене, и совершенно другое – сделать ее своей женой. Она и пылинки с подошвы твоего ботинка недостойна. Да что я говорю, за такую пылинку их можно взять пару сотен дюжин, а в базарный день и все три.

– И кто же я такой? Почему так дорого стою?

– Наступит время, и сам все узнаешь, без лишних вопросов. Оставь ее, пусть живет своей жизнью. С тобой у нее не будет счастья.

– Неужели с Мади будет? – начал закипать Дирт.

– Остынь, все, что ты можешь, – это сломать ей жизнь. Мади или кто-нибудь другой наделает ей крепких крестьянских детишек: какая разница? У нее своя судьба, у тебя своя. Я знаю, ты, как это принято в таком возрасте, уже размечтался о побеге, морем или сушей, в поисках сказочного места, где вам будут рады. Забудь. Некуда вам идти. Нигде вам не будут рады. Сиди здесь, пока есть возможность.

– Откуда вы знаете? – Проницательность лэрда не переставала удивлять.

– Я сам когда-то был таким, как ты. Не забыл еще. Глупости делать легко, а вот исправлять их трудно. А некоторые исправить и вовсе невозможно… Разведи огонь.

– Разве холодно?

– Я сожгу записи.

– Опять? Позавчера сжигали.

Лэрд помахал куском бересты:

– За один такой клочок некоторые готовы отдать золота больше, чем ты весишь.

– Получается, вы жутко богаты, половину мира скупить можете. Что вообще здесь делаете?

– Мертвому золото ни к чему. Здесь мы живы – это главное.

– От кого мы скрываемся? Тоже от спайдеров?

– От мира мы скрываемся… От всего мира… Разводи огонь, довольно разговоров на сегодня. Сожжем записи, и до темноты я тебя погоняю во дворе. Рука благородного человека не должна отвыкать от меча. И уж совсем позор, когда ее разбивают о лицо простолюдина. Надо напомнить тебе, как правильно сжимать кулак. И пожалуй, пора браться за секиру – благородный человек должен уметь обращаться и с тяжелым оружием, а плечи у тебя уже широкие, самое время браться за это дело всерьез.

– А нельзя ли занятие сделать покороче? Мне ведь придется вставать пораньше из-за Русалочки.

– Юноша, в твоем возрасте я вообще спал через ночь, и мне это не навредило. Сегодня будешь сражаться двуручником, начнем с него.

– О нет! Двуручник, а потом секира! За что?! Я наказан?!

– Это всего лишь урок, раз ты позволяешь себе ошибаться, это надо выбивать в зародыше. Праздность и лень оставь для старости. И жалобы тоже. Так я когда-нибудь увижу в своем камине огонь?

– Развожу, развожу.

– Сбавь тон. Не надо раздражаться. Приводи мысли в порядок, перед тренировкой твой мозг должен быть чист от суеты.

– Опять заставите пялиться на маятник?

– А ты против?

– Я не люблю сидеть, как дурак, и смотреть на эту блестящую штуковину. И не помню потом, что вы в это время говорили.

– Вспомнишь, когда понадобится.

Глава 5

Бартолло, не переставая таращиться во мрак, неуверенно произнес:

– Я что-то вижу.

– Что? – насторожился Патавилетти. – На что это похоже?

– Похоже на искры, вылетающие из дымохода.

– А я вообще ничего не вижу, – недовольно пробурчал Галлинари. – Проплыви на расстоянии вытянутого весла голая баба, даже не заподозрю, что пропустил такое зрелище.

– У тебя всего один глаз, да и тот косой, будто у зайца, а у меня два, и оба смотрят ровно. Не похоже это на светлячков. Точно искры.

Патавилетти поежился. Сидеть на корме лодки было удобно, тем более делать при этом ничего не требовалось, вот только ночь не из теплых выдалась, да и колотило его при мыслях о том, чем придется заниматься поутру.

А заниматься придется опасным делом, что бы ни думали остальные.

Глупы те, которые считают, будто бывалые воины напрочь лишены чувства страха. Как раз наоборот, бывалыми они стали только потому, что не разучились бояться. Бесшабашные удальцы, прущие напролом без тени сомнения, долго не живут. В итоге до зрелых лет добираются самые осторожные – не никчемные паникеры, но и не безумцы, без колебаний в одиночку атакующие сотню кеберских наемников.

Что бы кто ни говорил, но весь этот поход – шутки с огнем. Такалида – не та земля, о которой имеет смысл мечтать. Говорят, в переводе с древнего, давно забытого языка, название этого материка переводится как «цитадель смерти». И что-то в этом есть, ведь даже несведущие в географии тупицы знают, что по всему континенту можно найти руины городов и замков, ни один из обитателей которых не сумел уцелеть. Давняя война забрала всех, оставив после себя территорию, на которой разве что демонам вольготно.

По слухам, их здесь до сих пор можно встретить. А некоторые уверяют, что долго искать не придется, стоит только отойти на пару шагов от берега, и целая стая налетит, после чего останешься ты без капли крови в жилах. Пустым слухам Патавилетти не верил, зато верил рассказу одного старого приятеля, закончившего свои дни не слишком весело, окончательно свихнувшись, с диким хохотом сиганул головой вниз с колокольни и в полете успел перерезать себе горло куском цветного стекла, выдранного перед этим из церковного витража.

До того как потерять разум, он рассказал такое, что Патавилетти старался об этом не вспоминать. Особенно темными ночами. А уж возле берега земли, где случилась та история, думать о таком было страшно до нервной дрожи. Так что мерз он не только от холода.

И сколько еще здесь сидеть в ожидании непонятно чего?

Пожилой воин обратился к бездельнику на носу:

– Бартолло, ты уверен, что это были искры из дымохода?

– А что это еще могло быть? Блеснуло, вверх двигалось, и не один раз заметил. Уверен.

– Если нос не врет, тянет гарью, – неуверенно заметил Галлинари. – Запах будто от очага.

Патавилетти покосился во мрак. Где-то там, неразличимый его слабыми глазами, скрывался берег самой опасной в мире земли – Такалиды. Ночь кромешная, бриз задувает от суши, и он же приносит запах дыма. А Бартолло, если не ошибся, видел искры. Не та пора, чтобы топить печи и камины, но всегда есть те, которые не спят, возятся с больным, или ребенок расхворавшийся

закапризничал. Ночь нежаркая, подбросить чуток хвороста нетрудно, и тепло, и угольки могут до утра дожить, не придется потом с огнивом возиться.

Решено.

– На весла, бездельники. Возвращаемся.

Оба вздохнули с облегчением. Еще бы: им не улыбалось торчать в утлой лодочке до утра. С большого расстояния поди определи, что там, на суше, а ближе подойти не позволяет приказ треклятого мага.

Патавилетти и без того нервничал, а странный приказ нервировал его еще больше. Что, если маг знает нечто, чего никто не знает? Опасное, тайное, то, что может погубить лодку, в ночную пору неосторожно приблизившуюся к очень непростой земле.

Патавилетти поежился и, прислушиваясь к плеску весел, растянул губы в подобие улыбки.

С каждый всплеском он удалялся от проклятой Такалиды – это радовало.

Бартолло, хоть и являлся первостатейным бездельником и любителем пить все, что не является водой, на зрение никогда не жаловался. Вот и сейчас не прогадал, привел прямиком туда, куда надо, к островку, возле которого застыла громада «Татавии». Пузатый корпус больше всего походил на бочонок, куцые мачты не могли нести серьезное парусное вооружение, в трюме заживо гнили гребные рабы, отчего судно можно было учуять за милю: смердело хуже, чем возле разлагающейся на солнцепеке свиньи.

Годы скитаний научили Патавилетти мириться со многими вещами, и омерзительную вонь он даже не замечал. Похвалил глазастого Бартолло:

– Ты и на самом деле здорово видишь. Прямиком, куда надо, вышли. Или по вони шел?

– Видно было. Это в сторону берега тяжело смотреть, тем более если он высокий, а на море, да еще с лодки – иголку разглядеть можно. Хорошо, что

дело не к утру. Знаю я такие места: туманом все затянет, а в нем разве что на ощупь можно дорогу отыскать.

Глаза Патавилетти и раньше не называли орлиными, а после того как четыре года назад тот пакостник-маг, не горя желанием попасть в застенки Конклава, решил сжечь себя огненным амулетом прямо перед его носом, стали еще хуже. Даже сейчас корабль казался ему безжизненной скалой, и лишь когда над головой навис бушприт, он окончательно убедился, что это и правда «Татавия».

Одноглазый Галлинари поднялся, постучал по корпусу обухом топора и добавил громким голосом:

– Спите, что ли?! Проворонили нас, ротозеи!

– Заткнись! – прошипел Патавилетти.

– Чего? Мы далеко от берега, ветер с суши, нас не услышат.

– А сети в море кто ставил? Забыл про них? А если лодки рыбаков уже вышли на промысел? Об этом не подумал? Вот ведь тупица!

Едва ступив на палубу, Патавилетти услышал вопрос Гальбао:

– Ну и что там?

Патавилетти ответил вопросом:

– А где маг? Не хочу по два раза рассказывать. Давай сразу во все уши, и вздремну до рассвета, если, конечно, дадут.

Хмыкнув, седой капитан направился к корме. Воину ничего не оставалось, как шагать следом.

Патавилетти был немолод, но и не стар: возраст не успел его скрючить или высушить. Он оставался все так же высок, как в юные годы, и, чтобы войти в каюту, ему пришлось опустить голову. И без того две шишки уже заработал, третья будет лишней.

Маг не спал. Его вообще никто ни разу еще не видел лежащим. Даже койка у стены оставалась нетронутой с самого первого дня плавания. Он только тем и занимался, что целыми днями восседал в плетеном кресле перед крохотным столиком, сжигая одну свечу за другой.

Вот и сейчас та же поза, та же свеча, и еще квадратная дощечка посреди стола. Если приглядеться, можно различить сотни крошечных узоров, испещрявших ее поверхность. Похоже, их выжигали тонкой раскаленной проволокой. Зачем? Для чего? Какой смысл пялиться на такое часами? Ответов у Патавилетти не было, да и не хотелось их знать.

Одна из причин, почему он до сих пор жив, когда все те, с кем начинал службу, давно стали закуской для могильных червей, – Патавилетти никогда не задавал ненужных вопросов.

А если считал нужным, мог вытянуть ответ из кого угодно.

С чего начинать разговор посреди ночи, воин не представлял. Не станешь ведь говорить: «Доброе утро». И потому натужно кашлянул, привлекая внимание, хотя и без того понятно, что незамеченным их появление остаться не могло.

Маг, не отрывая взгляда от дощечки, рассеянно спросил:

– Чего тебе, Патавилетти?

– Мы были возле берега.

– Близко?

– Очень далеко, как вы и сказали. По пути туда наткнулись на берестяные поплавки. Там сеть стоит.

Маг кивнул:

– Рыбаки не уходят далеко от своего селения.

– Да. Там, на берегу, видны искры. Похоже, кто-то ночью камин разжег или печь, вот и вылетают из дымохода. А бриз доносит запах дыма. Это точно не костер, уж открытый огонь мы бы точно увидели. Похоже, там селение. Или хотя бы один дом. Что делать дальше? Утром развеется туман, и они могут заметить «Татавию». А уж рыбаки нас точно увидят, потому что сети принято пораньше проверять, а поставлены они поблизости.

– Утром мы должны быть в этом селении. И рыбаков надо будет перехватить.

– Перехватить?

– Никто не должен уйти. Мне нужны все жители селения.

Патавилетти, не вполне понимая приказ, уточнил:

– Их убить? Всех?

– По возможности берите живыми, не исключено, что среди них обнаружатся интересные личности. Но если многие при этом погибнут – невелика беда. Мне понадобятся несколько хороших воинов, чтобы среди жителей взять того, кто нам нужен. Конечно, если он скрывается в этом селении. Многое говорит о том, что он там, но полностью на это полагаться нельзя. Его надо брать живым – это обязательное условие. Остальных, как получится. Если погибнут все, кроме него, – невелика потеря. Все равно их придется перебить, когда будем уходить.

– А что это за селение вообще? Сколько их? С чем мы будем иметь дело? Умелые воины там есть?

– Патавилетти, я не могу знать все. Но почти не сомневаюсь – это обычные дмарты. Они пришли с Ханнхольда, когда-то их там было много.

– Знаю. Это потом наши как следует почистили остров от скверны.

– Я был там в то время.

– Знаю.

– Пленники с острова рассказали многое. Дмарты там не были едиными, жили общинами. Сам знаешь, что у каждого еретика свои взгляды на божественное, вот и собирались такие, у кого они схожие. Одной из общин руководил очень осторожный преподобный. Я бы даже сказал, трусоватый. Он, наверное, решил, что мы вот-вот заявимся на остров, и уговорил часть своих людей уйти. Не слышал о таком?

– Нет, я не был на Ханнхольде. Но трусом его называть не стал бы. Он ведь все верно угадал, мы и впрямь туда заявились.

– Да, но случилось это год назад, а он ушел за восемнадцать лет до этого. И ушел не куда-нибудь, а к Такалиде. Все еще думаешь, что он не трус? Променял восемнадцать лет нормальной жизни на изгнание в дикой земле.

– Ну это он, конечно, поторопился. А вот насчет трусости так и не могу согласиться. Надо быть не трусом, а круглым дураком, чтобы променять Ханнхольд на Такалиду.

– Он скрывал от всех конечную цель пути. Рассказал лишь брату, который отказался с ним уходить. Примерно описал ему место, где собирался остановиться. Надеялся, что тот когда-нибудь одумается и найдет его. Но его нашли мы, и он выложил все, что знал.

Патавилетти поежился. Он был воином, а не палачом, и хотя случалось заниматься не самыми приглядными вещами, испытывал сложные чувства к методам, которые применяют против неразговорчивых еретиков.

Он бы признался в любых грехах при одном намеке на подобный допрос. Лучше пусть сожгут заживо, чем ползать по загаженному полу завывающей грудой истерзанного мяса. Все, что палачи оставляли самым упрямым – язык, – долгая практика показала, что этого вполне достаточно для получения ответов на все вопросы.

Маг продолжал:

– Мы достигли этих мест, если дмарты выжили, их селение может быть здесь. Это единственный залив на побережье, и перед ним группа островов. Все, как рассказывал брат преподобного, приметы сходятся, да и по карте ничего

похожего больше нет. Хотя веры этим картам…

– Неужели кто-то может прожить здесь столько лет? Люди в Такалиде есть, но далеко отсюда. Об этих местах очень плохо отзываются.

– Я не знаю, что здесь. Эти места не исследованы. Почти нет бухт, подходы к ним опасны. На карте нашего капитана сплошные белые пятна почти сливаются. Дмарты могли не добраться, дорога ведь непростая. Их корабли – сущее недоразумение, они не годятся для долгих переходов по морю. Могли умереть от голода, болезней, разных опасностей этой земли. Но могли и выжить. Если так, то где-то здесь их селение. И в нем может находиться нужный нам человек. Он чужак для дмартов. Брат преподобного рассказал ему об ушедших, хотя должен был держать это в тайне. Тот, кто нам нужен, умеет узнавать чужие тайны, узнал и эту. Он покинул Ханнхольд больше десяти лет назад. Уплыл на лодке.

– На лодке? Долгий путь даже для корабля, вряд ли выжил.

– Я знаю этого человека – он мог это сделать. Талант, настоящий талант, до сих пор жалею, что наши дороги разошлись. Но даже самые умные ошибаются. Ему не стоило оставлять в живых брата, это большая ошибка. Или он надеялся, что мы не найдем ту единственную ниточку, которая вела к нему. Но я проследил его путь до Ханнхольда и очень тщательно расспросил там многих. Все, что известно двоим, – знают все. Надо лишь не лениться спрашивать… как следует спрашивать.

Патавилетти опять поежился, а Гальбао поинтересовался:

– Сколько их там?

– В путь ушли больше ста пятидесяти человек, считая детей. Сколько из них добрались до Такалиды – неизвестно.

– У Патавилетти шесть десятков воинов, у меня в команде тридцать с лишним. Справимся. Только скажите, что надо делать. Ну, я в смысле, когда начинать и кого там брать?

Маг, перевернув дощечку другой стороной, исписанной так же густо, равнодушно бросил:

– Начнем перед рассветом. Мне нужен один человек. Живым. Я сам укажу на него. В остальном поступайте так, как поступаете обычно в таких случаях.

Капитан кивнул:

– Не сомневайтесь, мы знаем, как поступать с дмартами.

– Вот и замечательно. Ни на миг не забывайте, что это всего лишь дмарты. И еще… Я понимаю, как радуется моряк, когда оказывается на берегу, где есть женщины. Так вот, не позволяйте вашим людям осквернять себя. Или пусть делают это не так демонстративно, как любят они. Что сложного в том, чтобы оттащить девку в хлев и хорошенько врезать, чтоб не визжала? Конклав не одобряет связь с падшими еретиками. Я не хочу стать свидетелем подобного зрелища. Вы все поняли?

Патавилетти и Гальбао дружно кивнули.

– А теперь оставьте меня.

Глава 6

Дирт проснулся от холода и в первый миг удивился, обнаружив, что лежит не в доме, как обычно, а на кривой лавке, располагавшейся снаружи под стеной, чуть левее от крыльца. Поежившись, поднялся, вспомнив, что специально расположился здесь. Свежесть, которая приходит даже посреди лета незадолго перед рассветом, – лучшее средство, если тебя некому разбудить в такой час.

Смертельно хотелось поваляться еще часок, но ничего не поделаешь, нужно идти.

Поднялся на ноги, вытянулся в струну, от всей души потянулся, покрутил головой в одну сторону, потом в другую. Перед глазами чуть поплыло, но через

миг это прошло, и пришла желанная ясность мыслей. Ухватил колун, который так и не отнес кузнецу, стараясь шагать бесшумно, безошибочно направился к ближнему выгону. Почуяв запах дыма, обернулся, увидел, что из трубы вылетела одинокая искра. Лэрд до сих пор не спит, продолжает сжигать бересту. Иногда на него что-то находит, становится тревожным, мрачным, торопливо уничтожает все свои записи. Это состояние у него обычно затягивается на два-три дня, после чего он начинает напрягать Дирта – просит приносить ему новые камни, над которыми потом подолгу трудится, покрывая рунами, а затем лично таскает их по округе, расставляя по какой-то лишь ему понятной системе.

Дирт подходил к последнему дому, когда различил впереди подозрительное шевеление. Замер, присел, напряг глаза, пытаясь разглядеть, что же там происходит. Выручили уши, расслышав хорошо знакомое бормотание, расслабился.

– Бруни, ты что здесь делаешь в такое время?!

Хеннигвильский дурачок испуганно охнул и, коверкая слова, пробормотал:

– Кто ты?!

– Это я, Дирт. Разве не узнал?

– Дирт! – обрадовался Бруни. – Ты пришел теленочка смотреть? Давай вместе смотреть. Да?

Дирт не имел ни малейшего желания составлять Бруни компанию, но знал, что тот очень обидится на прямой отказ. С одной стороны, кому какое дело до обид дурачка, но с другой – Бруни был безобиден, жизнерадостен и никогда не отказывал в помощи, если требовалась грубая, не рассуждающая, рабочая сила. Мысли его были просты, открыты, искренни, он ни разу даже в малости не пытался соврать. По-своему идеальный человек, некрасиво такого обижать. Чем тогда Дирт будет лучше тупых мальчишек, которые насмехаются над скудоумным?

– Бруни, ночь на дворе. Спать надо, а не бродить.

– Я спал на сеновале. Проснулся. Холодно, и комары кусаются. Не хочу больше спать. И я поймал мышку. Она бегала по мне. Маленькая, наверное, замерзла. Жалко ее стало, отпустил, и она убежала.

– Правильно, мышка тебе ничего плохого не сделала.

– Посмотрим теленочка?

– С радостью, но потом. На охоту иду, в такое время дичь выбирается, ты же знаешь.

Дурачок помрачнел и умоляюще произнес:

– Не ходи в лес. Темно там, страшно. Демоны.

– Я не буду в него забираться. По краешку пройдусь, – как можно убедительнее заверил Дирт.

– Да. Так и сделай. И Зверь тебя не съест. Он ведь не может выходить из леса. Так все говорят. Правда?

– Правда-правда. Иди на сеновал, дальше спи. А потом, днем, сходим вместе посмотреть на теленка.

– Не хочу на сеновал, – закапризничал Бруни. – Сено плохое, вонючее оно, и мыши бегают по мне, и комары кусаются, а потом все чешется. Я свежее сено люблю.

– Нового сена еще нет. Иди в дом поспи на лавке, что у стены. Она у вас хорошая.

– Так где мне спать? – растерялся дурачок.

– Лучше в доме. Там тепло.

– Да, Дирт, там тепло. Пойду я тогда.

– Иди. И под ноги смотри. Темно очень, споткнешься об крыльцо.

– А ты точно пойдешь теленочка смотреть?

– Точно.

– А смеяться не будешь?

– Разве я смеялся когда-нибудь? Конечно, не буду.

– Ну тогда я пойду.

– Иди уже.

Проводив Бруни взглядом, Дирт подумал, что тот может рассказать кому-нибудь о ночной встрече. Дурачок любил рассказывать всем о том, что видел, но и быстро забывал все на свете. Если и сохранится что-то в голове, так это намерение посмотреть теленка. Вряд ли вспомнит, что видел охотника, направлявшегося в сторону леса с колуном в руках.

Да и пусть. Даже если расскажет, никто не поверит. Подумают, что напутал или принял сон за явь. Зачем охотнику колун? Смешно. Что взять с дурачка?

Далеко за спиной послышался стук по дереву. Похоже, рыбаки возятся с лодкой. Не один Дирт поднялся рано, им каждый день приходится вставать в такую пору, отдыхают только в непогоду.

Хватит стоять, у него еще куча дел впереди.

* * *

Русалочку оставили в десятке шагов от опушки, привязав за веревку к глубоко вбитому колу. Корова стояла на месте, монотонно пережевывая жвачку, но, почуяв Дирта, испуганно всхрапнула. Боится, не понимая, почему ее оставили здесь одну, в темноте, а не загнали в хлев вместе с подружками, как бывало обычно.

Дирт, приблизившись, погладил Русалочку повыше носа. Успокоившееся животное никак на это не отреагировало.

– Русалочка, прости меня за то, что я сейчас сделаю. В этом нет моей вины. Преподобный Дэгфинн решил, что тебя надо принести в жертву, а твое мясо спасет селение от голода. Ненадолго спасет, но сейчас ведь лето: щавель, крапива, ревень. Хеннигвиль продержится несколько дней, у мамы младшего Мади появится молоко, и он тогда точно выживет. Ты же знаешь, что у нас многие дети умирают, плохо, если и с ним такое случится. Ты поможешь нам. А там рыба вернется к берегу, а может, мы убьем кита, такое ведь не один раз бывало. Ты, Русалочка, спасешь множество людей. Они будут тебе очень благодарны. Это хорошая смерть. Правильная. И тебе не будет больно. Обещаю.

Скот – это главное сокровище Хеннигвиля. За два десятка лет, проведенных на этом месте, община потеряла лошадей и кошек, что заставило ее ценить оставшееся пуще прежнего. Даже преподобный Дэгфинн не мог прямо приказать начать забивать животных, если дело не дошло до самого плохого – голодных смертей.

Дирт – чужак, но он не мог не заразиться общим отношением к скоту. И ему было не по себе своими руками, под покровом ночи убивать немалую частичку достояния общины.

Корова молча пережевывала жвачку. Хотелось верить, что она поняла хоть что-то из его слов. Не зря ведь он все это говорил?

В любом случае не зря. Дирт готовил себя. Ценность коровы такова, что предстоящее мало чем отличается от убийства человека. Он не волновался так даже при охоте на того матерого лося.

В лесу треснула ветка. Звук совсем не такой, как бывает, когда прогнившая палка падает вниз, не в силах более удерживать свой вес. И ветра нет, во время ночного бриза под кручей подъема на холм он редко задувает.

Кто-то на эту ветку наступил.

Все это Дирт продумал в один миг. Молниеносно обернувшись, отбросил тяжелый неудобный колун, выхватил нож, опустив его кончиком к земле, оскалился, зарычал хитрым способом, не на выдохе, а на вдохе. Как его учил лэрд. Редкий зверь переносит такой звук, он похож на тот, что издают тигры. Тигров Дирт никогда не видел, как, впрочем, и все здешние звери, но где-то в памяти у них зарыты воспоминания предков, а вместе с воспоминаниями и страх.

Корова дернулась, рванулась в сторону, едва не упала, когда веревка вытянулась струной.

– Спокойно, Русалочка, это я рычал.

Перепуганная корова была переполнена недоверчивостью, но сорванный по дороге лопух приняла благосклонно, энергично задвигав челюстями.

Дирт, расслышав удаляющиеся шаги неведомого существа, довольно осклабился. Судя по шуму, зверь не так велик, как показалось вначале, и явно не горит желанием связываться с тем, кто рычит столь впечатляюще.

В последний раз погладив корову, Дирт нагнулся за колуном. Замах, резкий рывок напряженных рук, тяжелое оружие описывает дугу и в конце ее ударяет по рогатой голове железным клином.

Русалочка тяжело завалилась набок, неприглядно суча копытами, будто не живое существо, а деревянная марионетка, смастеренная криворуким затейником. Но ни звука не вырвалось из пасти, бедолагу оглушило или мгновенно убило. Хотелось верить именно в последнее.

Отойдя на пару шагов, Дирт разделся догола и, прихватив нож, вернулся к туше. Теперь предстояло самое неприятное: корова должна выглядеть так, будто на нее действительно напал страшный зверь, как следует покромсав и выпив всю кровь.

Если честно, Дирт сомневался, что сможет скрасить картину намеком на правдоподобность. Сам он, даже с завязанными глазами, отличит раны, нанесенные ножом, от отметин, оставленных когтями, как бы ни старались придать схожесть. Но жители Хеннигвиля в массе своей ненаблюдательны во всем, что касается дикой природы, их годами приучали не поглядывать лишний

раз в сторону леса, не задумываться о происходящих в нем процессах. Да и кто там будет вглядываться, если за дело взялся сам преподобный? Тем более поди пойми, что за когти у страшных демонов, отважившихся бросить вызов самому Зверю, владельцу здешнего леса. Кто их видел? А если и видел, что с того, приглядываться в такой момент никто не станет.

В Хеннигвиле сегодня будет мясо, эта мысль займет головы всех обитателей селения, не оставив места для пустых подозрений.

* * *

На востоке начало светлеть, когда Дирт, выпачканный в крови с ног до головы, решил, что с него достаточно. Комары, налетевшие на соблазнительный аромат со всей округи, пытались сделать с ним то, что по замыслу преподобного должно было произойти с Русалочкой. Несчастная теперь мало походила сама на себя, ее разве что по небольшой подпалине на ухе можно было опознать. Никто не поверит, что такой ужас мог сотворить человек. Даже Дирт бы усомнился.

Отмахиваясь сорванной веткой от назойливых кровососов, он пошел наверх, но вскоре, ругая себя на все лады, вернулся за оставленным колуном. Смешно бы получилось, обнаруж его пришедшие поутру люди и вспомни, кто именно брал его вчера из кузни. А уж сопоставить с дырой в черепе даже наивные хеннигвильцы смогут.

Ночной лес подозрительными звуками куда богаче дневного. Грызуны, ежи, еноты, совы – все спешили воспользоваться последними минутами темноты, чтобы закончить свои в высшей степени важные дела. Куча живых существ, и все бесполезные. Разве что, умирая от голода, решишься такое отправить в котел. К тому же не так просто добывать жителей мрака.

Если только для ежей сделать исключение.

На перегиб склона Дирт выбрался еще в сумерках, а к береговому обрыву спустился, когда мрак почти развеялся. Оставалось пройти немного поверху, до удобной тропы. Напрямик к воде скатываться слишком рискованно, немало переломанных костей на счету этой кручи, торопливых она наказывает.

Не пройдя и сотни шагов, Дирт заметил далеко впереди, за спуском, что-то подозрительное. Он знал этот берег как свои пять пальцев, и раньше там столь крупных валунов никогда не видел. Зашагал чуть быстрее, то и дело бросая взгляды на странный камень, и вскоре до него начала доходить истина.

Хеннигвиль жил за счет моря и полей. С последними все понятно – небольшие, зажатые между берегом и лесом, они давали крупы для каш, зерно для хлеба, пива и браги, овощи, которыми зимой подкармливали скот, да и люди ими не брезговали.

С водой чуть сложнее. При благоприятной погоде рыбаки выходили в море и ставили сети. В случае удачи туда столько сельди набивалось, что за один рейс не могли увезти всю. Но такое случалось нечасто. Было несколько периодов, когда к берегу подходили определенные виды рыб для нереста или по каким-то другим делам. Вот тогда и случались великолепные уловы.

Также ставили ловушки из дерева на крабов и лобстеров. Ловилось их не так много, но прибавка к рациону нелишняя.

Случалось, сети рвали рыбины покрупнее: тунцы, исполинские осетры, редко случающиеся акулы, дельфины. Последних лэрд Далсер почему-то относил к животным, и Дирту приходилось прилагать немалые усилия, чтобы верить ему в этом вопросе.

Иногда к берегу подходили киты в одиночку и стаями. Обе лодки отправлялись на промысел, и в случае удачи хеннигвильцы запасали мясо и жир. До появления лэрда Далсера последний шел в том числе и на освещение, но теперь пользовались амулетами, подвешенными к потолкам. Он лично выделил по одному на каждый дом и следил за тем, чтобы сила, заставляющая их гореть, не иссякала.

Хеннигвильцы не очень-то любили магов, но ценили мелкие удобства и связанную с ними экономию ценного продукта.

То, что Дирт поначалу принял за непонятно откуда взявшийся валун, оказалось некрупным китом. Шагов семь-восемь от тупого носа до кончика хвоста, широкая голова с крошечными глазками, темная шкура с синеватым отливом.

И глаза, в которых еще не успела поселиться смерть.

Мясо, жир, кость – хватит всем и надолго! Ведь это не раздувшаяся от газов зловонная туша, кит жив, он еще дышит, пусть и чувствует себя, наверное, не очень хорошо.

Что заставило животное в спокойную погоду вылететь на мель, уткнувшись носом в сушу, Дирт не знал. Глядя на умирающего кита, он вспоминал Русалочку, и на глаза наворачивались невольные слезы. Преподобному стоило потерпеть всего один день, и корова бы осталась жива.

Голода больше не будет, младший Мади не умрет. День за днем хеннигвильцам придется питаться похлебкой из рассыпчатого китового мяса, сдабривая ее крапивой, щавелем, диким луком и зеленью с огородов. Плюс мясо Русалочки. Этого хватит на много дней. А там вернется рыба, созреет урожай на полях. Они постараются запастись на зиму как следует, глядишь, и весну легко переживут, а летом жизнь обычно проще.

Наскоро смыв с себя засохшую кровь, Дирт, используя шляпу вместо черпака, как следует окатил спину кита. Ему показалось, что это может помочь, растянет агонию. Тушу лучше всего начинать разделывать сразу после смерти – это всякий знает.

А теперь пора возвращаться. Если после вчерашнего инцидента с Мади многие жители селения готовы смотреть на Дирта еще более косо, чем раньше, то сейчас все это останется в прошлом. Новость ошеломляющая, приятная, долгожданная. А кто ее принес? Правильно, очень хороший человек, потому как плохой приносит только плохое.

Погрозив напоследок кулаком вороне, несмотря на ранний час, рассевшейся неподалеку, с алчностью взирая на умирающего кита, Дирт поспешил назад.

Черная, каркнув ему вслед, о чем-то призадумалась, будто прислушиваясь к чему-то, что слышит лишь она, и, тяжело взлетев, направилась в сторону Хеннигвиля.

Глава 7

Дирт не стал идти обратно вдоль моря, как сделал бы любой хеннигвилец. Дорога эта была куда длиннее, чем напрямик, ведь срезая основание Сторожевого мыса, можно здорово ее сократить. Но дело вообще-то не в этом, пляж из крупной гальки не очень-то располагал к прогулкам, тем более если торопишься. А если ты при этом молод и твое дыхание не сбивается при карабканье по крутым тропкам, то неизбежно выберешь путь через лес.

При условии, что ты не боишься забираться в чащу.

Солнце выбросило из-за горизонта первые лучи в тот момент, когда Дирт добрался до спуска. Как ни странно, здесь пришлось тяжелее, чем на подъеме. Таковы особенности Сторожевого холма: то ровно, то круча на круче плюс колдобины и россыпи валунов. Приходилось внимательно поглядывать под ноги, ни на что не отвлекаясь. Обычно Дирт двигался здесь с остановками, чтобы бросать взгляды с высоты, но сегодня не было времени любоваться красотами. Он несет невероятно важную новость, и доставить ее надо быстро. Пока народ соберется, пока дойдут до кита, пока разделает, пока…

В общем, работы предстоит много, и хватит ее на всех.

Лишь выбравшись к опушке, за которой начиналась круча, спускавшаяся к околице селения, он посмотрел на Хеннигвиль.

И окаменел.

Первое, что бросилось в глаза, корабль. Хотя последний он видел больше десяти лет назад, это не помешало ему мгновенно вспомнить, как называется исполинская лодка. Да не очень-то и похоже на лодку. Скорее на бочку, к которой приделали парочку куцых мачт.

Корабль застыл напротив лодочного причала, не дойдя до него полсотни шагов. Глубины в бухте немаленькие, на расстоянии вытянутой руки от берега можно было уйти в воду по пояс, а местами и больше, но осадка у судна оказалась под стать размерам, дальше пройти оно не смогло. А может, просто опасались приближаться, не зная ничего о рельефе дна.

Кто-то заблудился и случайно зашел в их бухту? Да за все годы мимо берега ни разу никто не прошел. Не бывало здесь кораблей, нечего делать им в этих местах. Тот купец, перевозивший партию авантюристов к Серебряным островам, не в счет. Да и забрел он сюда случайно, по вине штормовой погоды.

Дирт дернулся от душераздирающего женского визга, раздавшегося неподалеку. Затем увидел его источник, из-за крайнего дома выскочила Сигни – жена Агнара. Симпатичная женщина с добрым открытым лицом, очень спокойная и, что совсем уж удивительно, молчаливая.

Сейчас по ней этого не скажешь – орала будто оглашенная. Женщина добежала до края кручи, помчалась было наверх, подняла голову и, увидев над собой нависающие верхушки с трудом удерживающихся на краю сосен, замерла, не в силах сделать ни шагу дальше. Лицо ее окаменело, она будто боролась с чем-то внутри себя, пытаясь заставить ноги продолжать нести ее к зарослям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/artem-kamenistyy/samyy-strashnyy-zver

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить